

ОГОНЁК

№ 31 ИЮЛЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

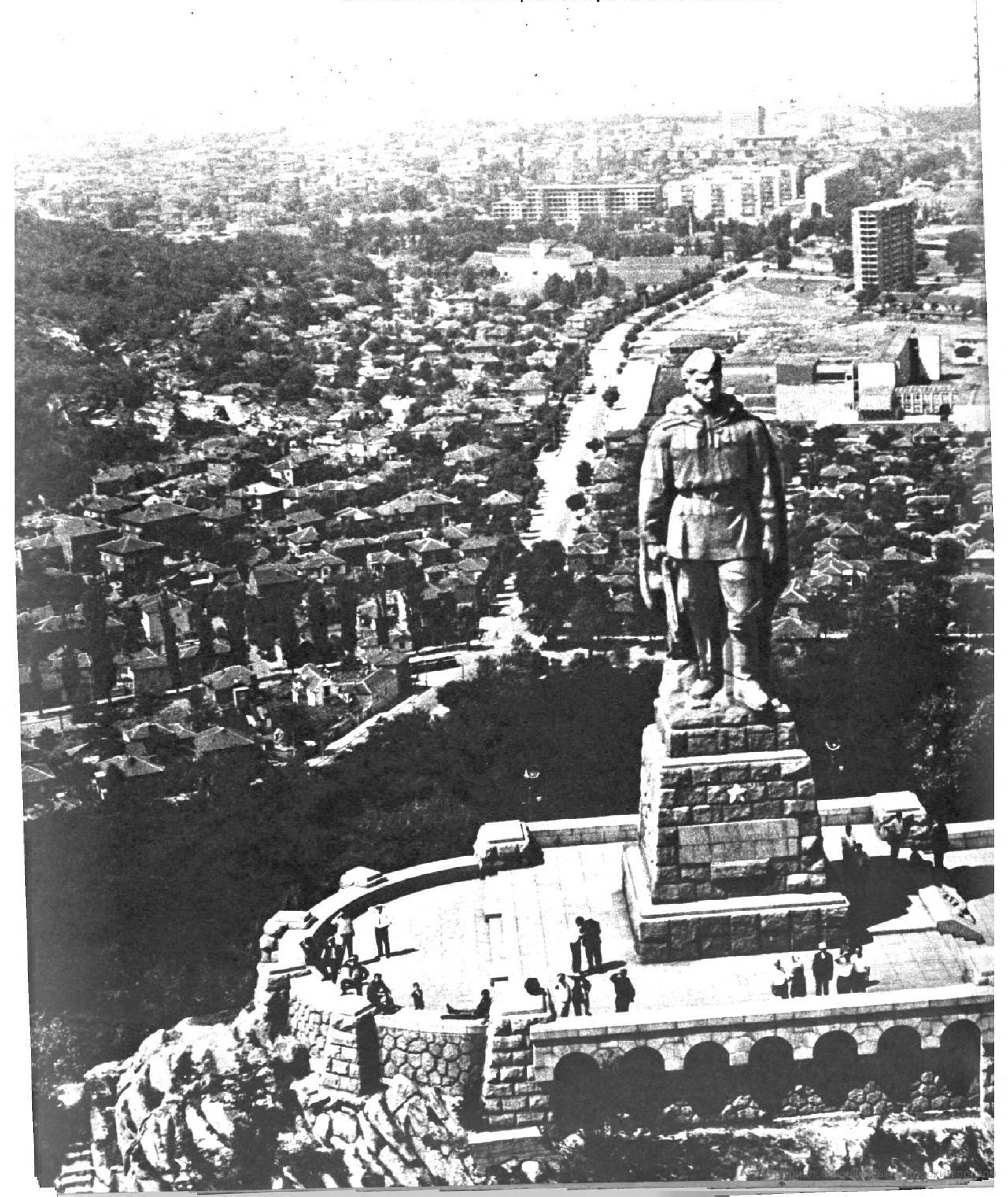

Советский солдат-освободитель. Его знает вся Болгария, вся Болгария зовет его просто Алеша.

Фото Г. Копосова. Съемка с вертолета, который вел летчик Ангел Ангелов.

ЭТОТ НОМЕР НАШЕГО ЖУРНАЛА МЫ ПОСВЯЩАЕМ БРАТСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ

ТОЗИ БРОЙ НА НАШЕТО СПИСАНИЕ ПОСВЕЩАВАМЕ НА БРАТСКАТА НАРОДНА РЕПУБЛИКА БЪЛГАРИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 31 (2144)

Основан 1 апреля 1923 года

27 ИЮЛЯ 1968

Тодор ЖИВКОВ,
Первый секретарь ЦК БКП,
Председатель Совета Министров НРБ

БРА

Этой осенью свободная Болгария, покончившая с капитализмом и начавшая строить социалистическое общество, войдет в свое двадцатипятилетие. За прошедшие 24 года болгарский народ под руководством своей коммунистической партии добился замечательных, поистине исторических успехов во всех областях. Народная Республика Болгария стала страной развивающейся экономики, мощной промышленности, процветающего сельского хозяйства, страной бурной общественно-политической и культурной жизни. Темпы нашего движения высоки и устойчивы, перспективы нашего всестороннего развития ясны, народ сплочен вокруг партии. Плечом к плечу с Советским Союзом Болгария, непоколебимо преданная делу коммунизма, уверенно шагает дорогой социализма, дорогой своего восхождения.

Нынешняя Болгария, которой мы справедливо гордимся, не появилась внезапно в современном мире. Ее основы были заложены 77 лет назад, когда Димитр Благоев и его соратники основали Болгарскую коммунистическую партию и начали трудную и беззаветную борьбу за организацию рабочего класса, за завоевание широких народных масс. Битва за сегодняшнюю Болгарию была упорной и кровопролитной: стачки и демонстрации, разгром солдатского Владайского восстания осенью 1918 года, буря первого в мире антифашистского восстания, охватившего страну в сентябре 1923 года... На фабриках и заводах, на площадях и в тюрьмах десятилетиями шла битва за сегодняшнюю Болгарию, она подымала свой гневный и бесстрашный голос во время расстрелов и казней, кричала молчанием братских могил, которые враг тщетно старался сровнять с землей. Эта эпическая битва особенно ярко разгорелась в годы Сопротивления и партизанского движения — единственного партизанского движения в стране — союзнице фашистских государств, в стране, сохранившей в неприкосновенности свои вооруженные силы и государственный аппарат. Сокрушительный удар 9 сентября 1944 года, свергнувший монархо-фашистскую и капиталистическую власть в Болгарии, убедительно свидетельствовал о силе Болгарской коммунистической партии и ее огромном влиянии среди широких слоев болгарского народа.

После 9 сентября 1944 года битва за сегодняшнюю Болгарию стала общенародным делом. Пройденные годы строительства были не легче, чем годы революционной борьбы. Однако не нам рассказывать об этом советским людям: ведь они первыми прокладывали новую дорогу в то время, когда Страна Советов была одна среди смертельных врагов. Строительство нового общества в Болгарии ведется в несравнимо более благоприятной обстановке: мы опираемся на сотрудничество со странами социалистической системы, получаем бескорыстную братскую помощь Советского Союза. Однако наш опыт показывает, что каждая страна, избравшая путь строительства социализма, должна сама пройти этот этап, накопить собственный опыт, решить собственные проблемы, преодолеть значительные трудности.

Широко известны, например, успехи болгарского сельского хозяйства. Каждый турист, побывавший в нашей стране, не может сдержать своего восхищения при виде преображенного социализмом сельского пейзажа. Однако глубоко обманутся те, кто подумает, что наши богатые нивы и сады, новые деревни, скорее напоминающие маленькие города или курортные поселки, вся наша жизнь, вызывающая оптимизм, создавались так, как господь бог сотворил мир. В любой болгарской деревне могут долго рассказывать о больших трудностях, которые нам приходилось преодолевать на нашем пути. Было время, когда болгарские женщины впрягались в воловью упряжку. А сегодня у нас, в стране развитого сельского хозяйства, широким фронтом внедряется комплексная механизация, и в ближайшие годы — мы в этом твердо уверены — Болгария оставит позади самые передовые капиталистические страны не только по средней урожайности зерновых культур, но и по их себестоимости.

Строительство социализма в нашей стране и сейчас встречает немало трудностей. Но если вчера приходилось преодолевать вековую отсталость, вытаскивать страну из нищеты, закладывать фундамент нового общества, то сегодня речь идет о резком повышении благосостояния и культуры нашего народа, о завершении строительства здания социализма.

Можно создать привилегии для определенной общественной прослойки или даже целого класса. Несравнимо тяжелее задача, которую поставил перед собой пролетариат после победы социалистической революции,— обеспечить благосостояние всего народа, без колониального грабежа, без эксплуатации народов других стран, рассчитывая только на честный и упорный труд в новом, организованном на принципах социализма обществе. Люди со слабыми нервами могут не выдержать трудностей социалистического переустройства, могут повернуть назад, остановиться на полпути, искать другие, «собственные» дороги, свернуть налево или отшатнуться направо. Партия болгарских коммунистов доказала свою революционную закалку, несокрушимую уверенность в правоте своего дела, свою железную дисциплину. Пройденный путь подтвердил с полной силой неоценимое значение руководящей роли марксистско-ленинской партии в строительстве социализма. О партии, о диктатуре пролетариата могут быть созданы и создаются поэмы и оратории. Но самая вдохновенная, самая зримая и неопровержимая поэма о Болгарской коммунистической партии — это сегодняшняя Болгария.

Мы, болгарские коммунисты, гордимся своей коммунистической партией, своим рабочим классом, нашими тружениками полей, нашей интеллигенцией. Гордимся единством и сплоченностью нашего народа вокруг Болгарской коммунистической партии. И в этом не только наша сила сегодня. В этом залог коммунистического будущего Болгарии.

Однако мы, болгарские коммунисты, ни на миг не забываем, что коммунизм, великое движение нашего времени, каким бы решающим оно ни было для каждой нации в отдельности, по своему существу движение международное и судьбы его решаются на одной арене — на всей нашей планете. Именно благодаря своему патриотизму коммунисты любой национальности являются искренними и убежденными интернационалистами, связавшими свою судьбу с мировым коммунистическим и рабочим движением и прежде всего с Советским Союзом, с мировой со-

ТСТВО

циалистической системой — нашей главной силой и опорой.

Вот уже сто двадцать лет коммунизм идет в наступление под красным знаменем, на котором горит бессмертный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Пятьдесят лет, с тех пор как на земле существует Страна Советов, жизнь снова и снова, год за годом, утверждает истинный критерий верности делу коммунизма и настоящего патриотизма — отношение к СССР, к КПСС и советскому народу. Одним из ярких доказательств верности этого критерия является тот факт, что в современном мире каждая социальная революция проходит под знаменем дружбы с СССР и любая контрреволюция начинается с антисоветской клеветы.

Мы, болгарские коммунисты, гордимся своими интернациональными традициями не меньше, чем своим патриотизмом. Мы гордимся глубокими и священными чувствами, которые болгарский народ испытывает к Советскому Союзу и советским людям. Об этих братских чувствах много говорить нет надобности: каждый советский человек, который побывал в Болгарии или встречался с болгарами в любом уголке нашей планеты, знает сокровенное слово «братушки», знает его чудесное содержание. Некоторые считают наше отношение к советским людям сентиментальным. Разумеется, в этом есть доля истины. Но эта «сентиментальность», эти сильные чувства глубокими корнями уходят в далекую и близкую историю, в сегодняшний день и будущее. С такими же чувствами относятся и советские люди к болгарам. И если понадобится охарактеризовать братскую дружбу между нашими народами на современном языке, то следует припомнить слова Л. И. Брежнева: «Если бы нас спросили, что такое социалистический интернационализм, мы бы ответили: посмотрите на отношения между Болгарией и Советским Союзом. Это и есть социалистический интернационализм в действии».

Мы приветствуем решение редакционной коллегии журнала «Огонек» рассказать нашим советским братьям о сегодняшней Болгарии. Нас всегда радует, когда советская печать рассказывает о нашей жизни, наших успехах и наших планах.

Советские люди интересуются тем, как живет и куда идет Народная Республика Болгария. Интерес к судьбам болгарского народа продиктован не только веками сложившимися братскими чувствами, но и тем, что социалистическая революция в Болгарии победила благодаря решающей помощи Советского Союза, что на протяжении 24 лет мы строим новую жизнь в нашей стране, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку Советского Союза. Мы, болгары, понимаем интернационализм не только как исполнение долга советских людей по отношению к нам, но и как наш долг по отношению к ним, как наш общий долг по отношению к международному коммунистическому и рабочему движению, к будущему всего мира.

Пользуюсь случаем пожелать вам, нашим советским товарищам и братьям, новых, еще более замечательных побед в строительстве коммунистического общества, пожелать от всего сердца здоровья, мирной жизни, счастья — того большого счастья, во имя которого вы, пионеры великого общечеловеческого дела, вносили и вносите самый большой вклад.

София. Площадь Ленина.

ШАГИ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в первом полугодии 1968 года.

Вот некоторые цифры из этого сообщения, красноречиво свидетельствующие, сколь широк шаг пятилетки, каковы они, темпы нашего роста:

Почти на 4 миллиарда рублей больше, чем предусматривалось полугодовым планом, реализовано промышленной продукции.

Около 9 процентов — таков прирост промышленного производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

ПО СРАВНЕНИЮ С ПЕРВЫМ ПОЛУГОДИЕМ 1967 года ПРОИЗВЕДЕНО БОЛЬШЕ НА:

23 миллиарда киловатт-часов электроэнергии
6,5 миллиарда кубических метров газа
2,5 миллиона тонн чугуна
2,3 миллиона тонн стали
159 миллионов квадратных метров всех видов тканей
27 миллионов штук бельевого и верхнего трикотажа
18 миллионов пар кожаной обуви
130 тысяч тонн мяса.

На 10,4 процента выросли по сравнению с первым полугодием 1967 года денежные доходы населения.

Более 500 тысяч новых благоустроенных квартир введено в эксплуатацию в первом полугодии за счет государственных средств и средств жилищно-строительной кооперации.

Труженики сельского хозяйства перевыполнили весной план ярового сева, расширили посевные площади зерновых культур и стремятся образцово убрать урожай.

Крупнейший металлургический ордена Ленина завод «Запорожсталь». В его цехах умело используются последние достижения науки и техники, самые передовые методы труда.

Фото А. Красовского (ТАСС).

ТРЕТИЙ ОРДЕН РОССИИ

Праздник у огромной армии работников прилавка. И она все растет — в прошлом году, например, в торговлю пришло только молодежи почти 250 тысяч человек! Растет и количество магазинов. В том же 1967 году оно увеличилось более чем на девять тысяч. От души поздравляя с праздником торговых работников, мы рассказываем об одном из новых магазинов, который недавно открылся в столице.

«Ленинград» в Химках

Закончила свою работу третья сессия Верховного Совета РСФСР седьмого созыва. Отчет Министерства легкой промышленности РСФСР о ходе выполнения Государственного плана на 1968 год; проект Закона РСФСР о сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Федерации; проект положения о Постоянных комиссиях Верховного Совета РСФСР — таков круг вопросов, стоявших в повестке дня сессии. Законы, постановления, принятые по этим вопросам Верховным Советом республики, отвечают жизненным интересам трудящихся России, вытекают из решений XXIII съезда КПСС, еще и еще раз свидетельствуют, как последовательно проводится в жизнь курс Коммунистической партии на всестороннее развитие советской, социалистической демократии.

Участники сессии полностью одобрили постановление июльского Пленума ЦК КПСС «Об итогах Встречи в Варшаве делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран». По предложению Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР депутата М. А. Яснова по этому вопросу было принято заявление Верховного Совета РСФСР.

На заключительном заседании сессии состоялся торжественный акт вручения ордена Октябрьской Революции, которым Российская Федерация награждена за выдающиеся заслуги трудящихся республики в революционном движении, в Великой Октябрьской социалистической революции и большой вклад в создание и упрочение первого в мире социалистического многонационального государства — Союза Советских Социалистических Республик, за мужество и героизм, проявленные при защите завоеваний Советской власти, и успехи, достигнутые в коммунистическом строительстве.

Тепло встретили депутаты выступление члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, депутата Н. В. Подгорного. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза он горячо поздравил депутатов и в их лице рабочих, колхозников, интеллигенцию, всех трудящихся Российской Федерации с высокой наградой Родины.

С ответной речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР депутат Г. И. Воронов.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени РСФСР.

Фото В. Егорова и В. Кошевого (ТАСС).

28 ИЮЛЯ — ДЕНЬ РАБОТНИКА ТОРГОВЛИ

Впервые я услышала о нем в троллейбусе. Увешанная сумками женщина убеждала другую в том, что «покупать все-все нужно только в «Ленинграде», то есть, простите, в гастрономе «Ленинград». И ничего, если он далеко от вашего дома, зато там исключительно удобно и красиво». А потом об этом же магазине с похвалой отозвались в Министерстве торговли СССР. И мы поехали в Химки-Ховрино.

...Зал длинный. В несколько рядов вытянулись изящные стенды. На них выложены все товары, которыми сегодня располагает тот или иной отдел. Продавцы и контролеры любезны, приветливы. На стенах — реклама, забавные рисунки, советы молодым хозяйкам.

По залу снуют с проволочными сумками или со специальными тележками покупатели. Сами отбирают товары. «Ах, так здесь самообслуживание!» — разочарованно вздохнет иной читатель, справедливо недовольный очередями в некоторых булочных или столовых, перешедших на самообслуживание. Да, именно оно. Но не спешите с выводами. Вот что сказал нам директор магазина И. П. Степанчиков:

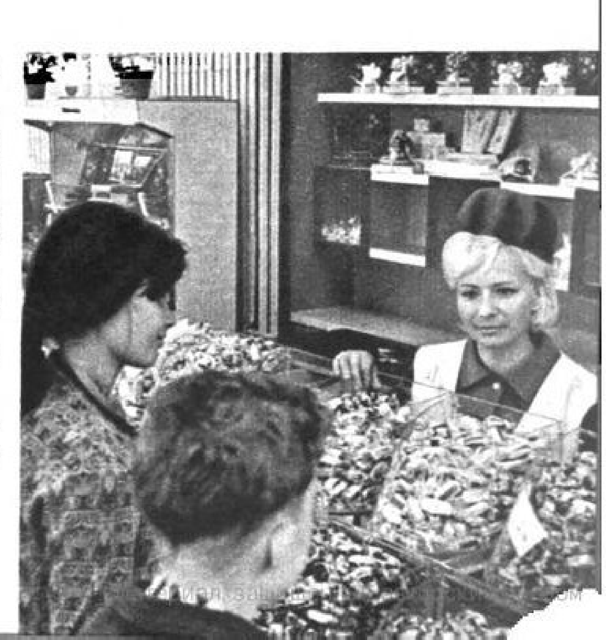
— Самообслуживание — вещь отличная. Но оно не терпит плохой организации. Вы заметили, например, как наши покупатели рассчитываются за товары? За все платят в общей кассе, а их у нас пятнадцать. И кассовые аппараты такие, что сумму мигом подсчитывают.

Работает у нас в основном молодежь. Многие учатся — в техникумах, институтах. Магазин наш открылся в ноябре прошлого года. Мы часто проводим опросы покупателей. Вроде довольны.

Вторая мастерская «Моспроекта-1» хорошо спроектировала магазин. Удобные склады, подсобные помещения. Венгерская фирма «Трансэлектро» поставила отличное оборудование. Особенно нравятся нам открытые охлаждаемые прилавки, в которых температура достигает минус 18 градусов.

Перед тем как покинуть магазин, мы поговорили с покупателями. У всех нашлось доброе слово для его работников.

Н. ВЛАСОВА

В зале гастронома «Ленинград».

Фото К. Каспиева.

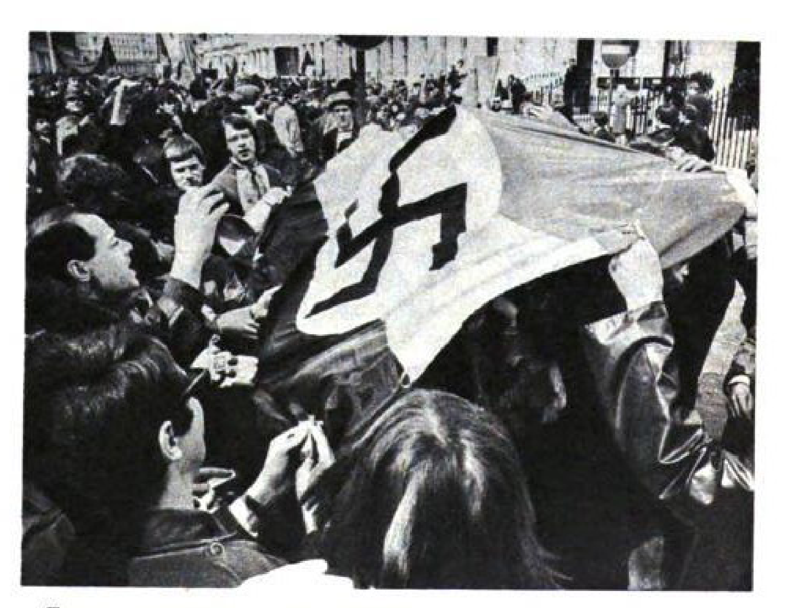
Сотни юношей и девушек Краснопресненского района Москвы собрались на вечер дружбы советской и вьетнамской молодежи.

МОЛОДОСТЬ ПЛ

ЗА СОЛИДАРНОСТЬ, МИР

Молодая Америка понимает фальшь и лицемерие официальной пропаганды. Студенты Колумбийского университета выпустили листовку с фотографией парня, избитого полицией. В листовке осуждается расизм, использование университета для военных исследований.

После покушения на одного из лидеров западноберлинской молодежи, Руди Дучке, молодые англичане в знак протеста сжигают нацистский флаг перед посольством ФРГ.

Молодые жители ФРГ жгут газеты магната прессы — Акселя Шпрингера, сеющие ложь, ненависть, расизм.

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ IX ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В СОФИИ!

В Софии открывается IX Всемирный фестиваль молодежи. На праздник поездами, самолетами, кораблями, автомашинами съезжаются юноши и девушки Земли, со всех континентов, из 147 стран.

О борьбе молодости мира мы хотим рассказать с помощью фотографий, пришедших к нам из всех уголков планеты.

Фото ТАСС, ЮПИ,— газеты «Унита», журнала «Нувель обсерватёр».

АНЕТЫ:

И ДРУЖБУ!

Доблестная юность Вьетнама сегодня всюду служит своей родине: на огневом рубеже и в цехе завода, в госпитале и на деревенском поле.

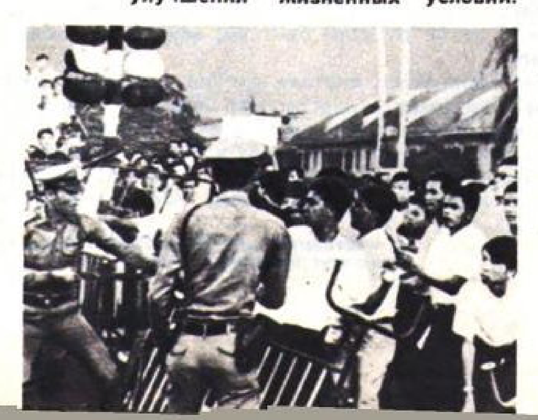
Фото А. Сербина.

С народом Вьетнама солидарна передовая молодежь Соединенных Штатов Америки. Несмотря на судебные преследования и штрафы, американцы открыто сжигают свои призывные повестки.

Студенты Таиланда требуют улучшения жизненных условий.

А, Б, В...

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

РАСТЕТ, НО НЕ СТАРЕЕТ...

Светает. Далеко за островерхими черепичными крышами, за зеленым морем бульваров и парков с белыми кораблями новых домов, в голубой вуали мерцают горные склоны красавицы Витоши...

София... Город, который никогда не забудешь. Город, окруженный заботливыми ладонями гор, умытый родниковыми водами, город, в котором цветы не только в букетах или витринах магазинов, а везде — в садах, парках, бульварах, а главное, в гостеприимных сердцах софийцев.

Широкие площади и улицы города крыты удивительной, единственной в мире золотистой брусчаткой, которая хранит под собою нераскрытые тайны веков. София — древнейшая в Европе столица после Афин. Там, где сейчас находится центр, в середине 3-го тысячелетия до нашей эры было поселение. Впоследствии фракийское племя сердов основало на этом месте Сердику. Римский император Константин Великий мечтал перевести сюда столицу империи. Он любил говорить: «Сердика — мой Рим!»

В 809 году болгарский царь Крум захватил Сердику и переименовал ее в Средец.

На четвертой обложке нашего журнала вы видите небольшое древнее строение, окруженное огромными белыми домами. Это остатки римской бани (II века), недавно раскопанные. В IV веке баня была разрушена, а на ее руинах воздвигнута христианская церковь св. Георгия. Сейчас она расположена во дворе гостиницы «Балкан», что стоит в центре города, на площади Ленина.

Глубокая древность и сегодня — рядом. Это свойство чрезвычайно типично для лица Болгарии. Народ-хозяин бережно хранит свою старину, гордится ею, и, где бы вы ни побывали — в Пловдиве, в Бургасе, Несебре, Тырнове,— везде широкий фронт реставрационных работ.

Город не раз подвергался разрушению. Полчища гуннов, печенегов, крестоносцев предавали его огню и мечу. Пятьсот лет Болгария стонала под пятой оттоманского ига, от которого ее освободили русские войска.

Улицы и площади Софии подобны страницам летописи, на которых народ начертал дорогие его сердцу имена героев — Христо Ботев, Васил Левски, Георгий Димитров... и места легендарных битв — Шипка, Волгоград... Имена русских полководцев, отвоевавших свободу и счастье Болгарии,— Скобелев, Столетов, Толбухин, Бирюзов. Не забыты старые названия города — Сердика, Средец, Триадица.

На гербе столицы — девиз «Растет, но не стареет». В нем символ Софии, древней и устремленной в завтра.

УТРО СОФИИ

«Молодцы!» — звонко раздалось совсем рядом.

Я распахнул стеклянные двери балкона, и прохладное софийское утро вошло в номер, а вместе с утром ворвались смех и песни.

«Молодцы!» — прозвучал хор девичьих и юношеских голосов, и послушное эхо отозвалось во всех уголках пустынной площади. «Молодцы!» — и эти такие знакомые и близкие сердцу слова снова многократно повторились, рассыпавшись по брусчатке...

Внизу, под балконами гостиницы, по огромному золотистому паркету мостовой водила хоровод молодежь — девушки в нарядных, легких, белых, розовых, голубых платьях и юноши в темных, строгих вечерних костюмах.

В зыбких лучах рассвета этот ритмично кружащийся и поющий хоровод — один в безмолвном и еще спящем городе — казался сказочно прекрасным, загадочно ожившим венком.

Я вспомнил Москву, таких же ребят, ошалевших от счастья, от избытка чувств, шагающих с песнями всю ночь напролет по улицам спящего города, по гулким набережным Москвы-реки, а потом ближе к рассвету собирающихся тысячами на Красной площади.

А внизу под плеск ладоней плыл бесконечный хоровод. Я не видел выражения лиц, я не видел лиц, я видел лишь макушки парней и разметавшиеся в танце модные прически девушек. Но до меня доносились их голоса, их смех, и я знал: они счастливы, юны и еще раз счастливы.

ВПЕРЕД, НАРОД НАШ ВОЗРОЖДЕННЫЙ!

Азбука, алфавит. Это понятие вошло в наше сознание, в наш быт, как вода, хлеб, воздух...

И когда мы открываем «Войну и мир» Льва Толстого, или видим малыша, старательно складывающего из кубиков первое слово — «мама», или читаем сообщение о полете нашей ракеты на Луну, то вспомним еще раз и поклонимся земно славянским братьям Кириллу и Мефодию, давшим нам великое и простое: аз, буки, веди...— А, Б, В...

...Город в праздничном убранстве. Майская, сверкающая, улыбающаяся, поющая София. В наряде флагов, лозунгов, транспарантов. Что-то очень родное, близкое в этом майском бурлении столицы, в светлом весеннем дне, в особенной торжественности девушек, парней и солидных семейных пар с детишками, спешащих в центр этого кипения — площадь 9 Сентября.

Площадь 9 Сентября — Красная площадь Софии.

9 сентября... В этот памятный всем день восставший болгарский народ с помощью Советской Армии сбросил ненавистный фашистский режим и провозгласил свободу. День 9 сентября стал рубежом новой истории Болгарии...

Сегодня мы на гостевых трибунах главной площади Софии. Как знакомо и как каждый раз волнующе ожидание...

Звучат фанфары, и манифестация вступает на площадь. В голове колонн мальчики в белом несут транспарант с начертанными вещими словами поэта-просветителя Чинтулова: «Вперед, народ наш возрожденный, ко светлой будущности в путь!» Эти слова стали символом.

Век тому назад учащиеся города Пловдива вышли с этим лозунгом на демонстрацию и невзирая на оттоманский гнет громогласно восславили тысячелетие славянской письменности, тысячелетие подвига первоучителей — Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки. Так, с доброго почина пловдивских школяров и студентов, Болгария ежегодно 24 мая отмечает этот день как всенародный праздник.

Но вернемся на площадь. Вслед за транспарантом молодежь несет на руках портреты Кирилла и Мефодия и первые буквы азбуки — А, Б, В, окружив ими образы великих братьев. Гремят оркестры, сама юность — ликующая, озорная — выходит на площадь. Улыбки, песни, цветы, мелькание флажков, пестрых шарфов, крики приветствий сливаются в яркий, неповторимый гимн, в котором особенно четко и ясно звучит тема великой нерушимой братской дружбы болгарского и русского народов. Этот мотив — в тысячах советских флагов, в лозунгах, в приветствиях.

Молодежь несет громадный транспарант «Слава советской науке!», а вслед за ним шествуют малыши в костюмах космонавтов, а уже через мгновение юные техники запускают в звонкое майское небо ракету.

Учащиеся проносят мимо трибун названия своих училищ и гимназий, и среди имен Христо Ботева, Ивана Вазова, Васила Левского имена Лермонтова, Горького, Пушкина.

Приходят на память строки болгарского поэта Петко Славейкова о Пушкине:

С его я музой был знаком,
Милее брата был мне он...

Тема братства культур наших народов — лейтмотив праздника, он в национальных костюмах, болгарских и русских, он в песнях и танцах, в бесконечно повторяющихся сочетаниях букв азбуки А, Б, В!

Христо Смирненский, великий болгарский поэт, писал: «Еще увижу светлый праздник, братья!» Он не дожил до сегодняшнего дня. Жизнь его оборвалась в 1923 году, когда ему было двадцать пять лет. Он умер в черные дни тирании и насилия, но сегодня мечта поэта сбылась. Христо призывал светлое завтра в стихах: «Да будет день! Да будет день!» И этот день, день радости, свободы, прогресса болгарского народа, настал.

Этот день стоил многих жизней. За него было пролито много крови лучших сынов Болгарии и России. И это не забудется никогда!

НА БУЛЬВАРЕ СКОБЕЛЕВА

В тени огромных деревьев заплутались солнечные зайчики. Воркуют горлицы. Мы идем по территории Центрального музея Народной армии. Музей сегодня закрыт, но наш друг генерал-полковник Захарий Захариев попросил пропустить нас. Под купами зеленых гигантов стоит советская военная техника — самолеты, танки, пушки.

Захарий Захариев подводит нас к самолету «Пе-2» и улыбается:

— Хорошая машина. Нам очень не хватало ее в Испании...

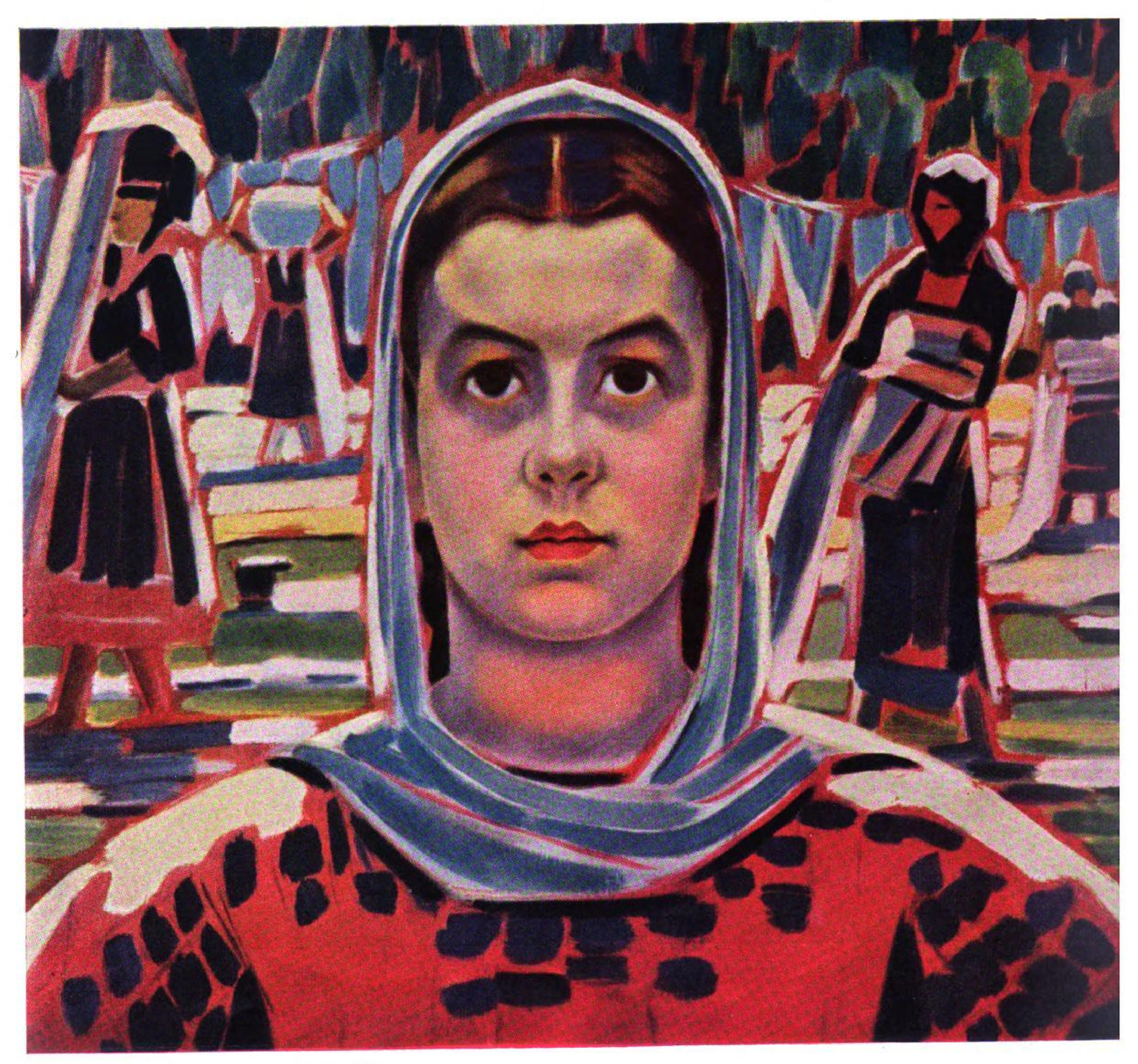
Дело в том, что Герой Советского Союза Захариев — летчик, участник боев с испанскими фашистами, позже, в годы второй мировой войны, громивший вместе с русскими братьями фашистские орды на Балканах.

— Спасибо русским братьям, научившим меня летать,— говорит генерал.

Его коренастая, плотная фигура, загорелое лицо, тронутая сединой голова — пример мужественной красоты солдата, прошедшего большой путь воина-интернационалиста, сражавшегося против черных сил реакции и насилия, за свободу и счастье людей...

Поют птицы, шелестит ветер в ветвях деревьев, а мы глядим и глядим на могучие ряды старых боевых машин — ветеранов Великой войны...

А «катюши» идут, и проходят солдаты,
И вокруг ликование, смех и молва,

Владимир Димитров-Майстора. КРЕСТЬЯНКА.

Стоян Венев. ВСТРЕЧА СОВЕТСКОЙ АРМИИ.

«Красной Армии слава»,— и ярки плакаты,
И горят, и сияют над аркой слова.

Таким в своих стихах «Великий день» увидел болгарский поэт Людмил Стоянов освобождение родины.

ФЛАГИ НА ВОЛХОНКЕ

В Москве жара. Летний голубой ситец неба выгорел, поблек. Но тем ярче сверкают на этом фоне два флага на высоких флагштоках, у фасада Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Два флага: алый — СССР и бело-зелено-красный — Народной Республики Болгарии.

Еще на подступах к музею, у Боровицких ворот Кремля, в самом начале Волхонки, нас встретил огромный белый транспарант, перекинутый через улицу, с надписью: «Древнее болгарское искусство».

...После полуденного зноя, уличного шума и суеты особенно разителен контраст прохлады и тишины пока безлюдного зала музея, в котором экспонируется «Древнее болгарское искусство». До вернисажа остаются считанные часы. У стендов мы встречаем Атанаса Божкова — заместителя председателя Комитета по культуре и искусству Болгарии. Он внимательно в последний раз просматривает экспозицию.

Неожиданно тишину нарушает... колокольный звон и музыка. Оказывается, включили запись «Литургии» Чайковского в исполнении болгарского оркестра и хора.

Как символичен этот драгоценный сплав русского и болгарского искусства — несравненные шедевры, хранимые в крипте софийского храма Александра Невского, и ценнейшие экспонаты — рукописи, дарохранительницы, потиры из прославленной Рильской обители, и старинные иконы из собраний музеев Варны, Тырнова, Бургаса, и великолепная музыка русского гения! Вот поистине высшее проявление синтеза живописи и музыки, о котором мечтал Скрябин...

Какое неповторимое чувство испытываешь, увидев превосходно выполненные копии росписей Боянской церкви! Здесь, в Москве, вновь перед глазами встает изумительный интимный интерьер, в котором с гениальной простотой расположены десятки фресок, создавая уникальный, ни с чем не сравнимый ансамбль. Снова и снова вспоминаешь пение птиц у входа в церковь, шелест листвы и игру солнечных бликов на каменных плитах...

В чем обаяние и огромная сила воздействия древнего искусства болгар? Очевидно, в человечности, гуманности их творчества, которое, несмотря на условность церковных сюжетов, необычайно тонко и глубоко показывало красоту и единство человека и природы. Вот потому, глядя на рукописи и предметы церковного обихода из Рильского монастыря, вновь и вновь вспоминаешь зеленые горы Рилы — планины с белыми черточками берез, напоенный ароматом сосен ветер и неземной красоты ансамбль монастыря, залитый лучами вечернего солнца, будто сросшийся с дивным пейзажем.

ВЕЛИКИЙ МАЛЕНЬКИЙ ЭКСПОНАТ

«19. Святой Георгий и Святой Дмитрий (рельефная икона) X—XI в. Клейма XV—XVI в. Происходит из г. Созопол. Дерево и энкаустика (клейма — темпера). Высота: 85 см, ширина 80,5 см...» — это всего лишь скрупулезное повторение текста из каталога выставки. Но сколько правды истории, сколько народной мудрости и красоты хранит в себе этот экспонат размером меньше квадратного метра!

Икона как бы состоит из трех деталей, различных по стилю, исполнению и содержанию.

Деталь первая. В центре, размером не более ладони,—рельефное изображение конных фигур, исполненных с необыкновенной экспрессией и в то же время простотой формы. Впечатление от этого рельефа X—XI веков усиливается росписью энкаустикой, выполненной в свойственной болгарской живописи напряженной декоративной гамме. Творец этого маленького шедевра вложил все свое чувство восторга и преклонения перед чудом реальной природы увиденного и претворенного им в условной форме.

Деталь вторая. Она занимает добрые две трети пространства иконы. Коричневый орнамент как бы окружает сверкающий красками центральный рельеф темной тучей. Этот грубый орнамент безлик, он как бы олицетворяет собой все бездушие и дикость оттоманского пятисотлетнего владычества, давившего все живое, национальное.

Деталь третья. Светлый пояс миниатюр-клейм обрамляет орнамент. Эти религиозные сюжеты полны жизненности и человечности. Они исполнены темперой в просветленной гамме и напоминают радугу, вступающую в спор с темными тучами коричневого орнамента и обозначающую окончание грозы и наступление ясного и доброго начала. Эти, по существу, жанровые сцены подкупают своей свежестью и чаруют нас своей непосредственностью. В миниатюрах-клеймах, написанных в XV—XVI веках в атмосфере ига султанов, видно стремление художника возродить традиции болгарской школы. Это был подвиг.

Как поучителен этот маленький экспонат — великий свидетель веков — для любителей писать большие полотна с облегченным содержанием, а часто и без оного!

ВЕХИ ОДНОГО ПУТИ

«Ветхозаветная троица». Она написана темперой в 1598 году. Этот экспонат выставки примечателен не только тем, что автор этой иконы назван — Неделчо Зограф, но и тем, что даже не для специалиста ясно, сколь сильно было влияние на живописца из города Ловеч «Троицы», написанной великим русским живописцем Андреем Рублевым.

Вот как глубоки, неодолимы эти исконные традиции, кровные связи славянских народов, скрепленные веками дружбы государств и их сынов.

Болгария и Россия. Как не вспомнить замечательные стихи Ивана Вазова:

Россия! Свято нам оно,
То имя, милое, родное.
Оно во мраке огневое,
Для нас надеждою полно...

Выставка древнего болгарского искусства в Москве — прекрасный пример духовной близости русского и болгарского искусства, единства их истоков.

— Экспонаты этой небольшой коллекции,— рассказывает Атанас Божков,— впервые прибыли в Советский Союз. Многие из экспонируемых здесь произведений недавно реставрированы или открыты. Болгарское правительство выделило сейчас большие средства на реставрацию произведений древнеболгарского искусства. К сожалению, у нас не хватает специалистов для такого широкого фронта работ. Ведь реставрация — дело, не терпящее спешки. Иногда оригинал требует не часов и дней, а месяцев упорного труда и огромного искусства, но мы верим, что болгарские мастера сумеют преодолеть эти трудности.

Экспонаты этой выставки впервые проделали путь в Москву. Однако они прошли по дорогам, которые давно известны древнему болгарскому изобразительному искусству. Болгарские монахи, искавшие и находившие поддержку в державе «дедушки Ивана», а также множество икон, вышедших из мастерских русских иконописцев и украсивших болгарские храмы, отметили вехами эти дороги, на которых осуществлялось взаимодействие болгарской и русской культуры. Русские печатные книги проливают свет на эти дороги. Поэтому мы надеемся, что памятники древней болгарской культуры попадут в среду, с которой они встретятся впервые, но с которой они давно связаны многовековым братским сотрудничеством...

Текст следующей главы подтвердит, что надежды Атанаса Божкова полностью сбылись.

СЛОВА БРАТЬЯМ

Огромное спасибо за выставку. Теперь еще яснее видно, что нет в славянском мире двух народов, столь близких по духу, чем Болгария и Россия. Тысяча лет общей культуры — разве это не чудесный дар для народов-единомышленников в прошлом и настоящем! Еще раз спасибо, братья!

Э. Серебрянов, химик.

Я не вижу здесь религии. Это — творчество, уходящее глубоко в чувства талантливого и по духу и культуре родного нам болгарского народа. Беречь и сохранять надо эти бесценные произведения наших далеких предков.

В. Москвитин, зав. Домом политпросвещения. г. Ош. Киргизия.

Спасибо, братья болгары! Изумительная выставка. Очень и очень рад знакомству с прекрасным искусством.

Инженер **И. В. Попов**.

Прекрасная экспозиция древнего искусства наших братьев вызвала воспоминания о 44-ом г., когда мы вошли в Болгарию, о ее хорошем народе. Спасибо большое, братушки! Привет вам с Украины.

С. К.

Уникальность экспозиции представляет огромный интерес. Да здравствует славянская культура!

Т. А. Попова.

Выставка оставляет громадное впечатление... и вызывает чувство благодарности к братскому болгарскому народу. Древнее болгарское искусство очень близко древнерусскому! До этой выставки многие этого не знали.

...Великолепно оформлена выставка! Великолепные экспонаты!.. Спасибо товарищам болгарам! Не хочется уходить. Придешь, конечно, еще и еще не один раз.

Л. Хренникова, биолог-ботаник.

ЦВЕТИ, БОЛГАРИЯ!

«Земля моя с ладонь... Но для меня ты хороша, и больше мне не нужно». Пожалуй, лучше, чем сказал о своей родине Георгий Джагаров, не скажешь...

Много можно перевидать на своем веку стран и народов, многие тысячи километров и многие месяцы отмерить на дороге жизни, но если ты однажды побывал в народной Болгарии, никогда тебя не оставит желание побывать еще раз, досмотреть, дочувствовать, еще и еще раз удивиться этой необыкновенной и бесконечно близкой стране.

Огромная по своей духовной жизни страна, народ которой, несмотря на все катаклизмы истории, на всю жестокость, смерти, гнет, предложенные ему судьбой, выстоял и не только выстоял, но не ожесточился, не очерствел, а остался человечным, добрым, простодушным.

И когда, проходя по дорогам Болгарии, на каждом шагу встречаешь памятники, обелиски и просто убранные цветами холмики на могилах героев, павших за честь и независимость родины в борьбе с черными силами бесправия, невежества, фашизма, то в душе звучат слова великого Христо Ботева:

Кто в грозной битве пал за свободу —
Не умирает: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают...

...И сегодня, когда видишь счастливых детей и раздольные поля с колосистой пшеницей или слышишь гудки в порту Бургаса и вдыхаешь аромат садов, отягощенных плодами, хочется сказать:

— Цвети, народная Болгария! Шагай вперед по славному и светлому пути!

Георгий ДЖАГАРОВ

Болгария

Земля моя с ладонь... Но для меня
ты хороша, и больше мне не нужно.
Горжусь тобой, твоею кровью южной
и тем, что горы наши из кремня.
Порою выли волки и шакалы
в твоих лесах, в ущельях этих гор.
Ты с теми, кто с тобой всегда был
добр,
была добра, но злых ты покарала.
Земля моя с ладонь, невелика...
Но все ж, побитая смертельным
градом,
сильнее чаши с византийским ядом
и грозного турецкого клинка.
Торговцы кровью с грузом
табака
тебя, земля родная, продавали,
но все, тобой раздавленные, пали —
ты тяжела, хоть и невелика.
Свершилось чудо: смертью смерть
поправ,
заулыбались окна и балконы,
заколыхались яркие знамена,
и путь открылся, прям и величав.
Цвети, земля! Болгарин пролил пот,
и вот уж чернозем твой набухает,
и розами твой лик благоухает,
и ветер песню новую поет.
Земля моя с ладонь... Но мне она
могла бы заменить все мирозданье —
я меряю ее не расстояньем,
а той любовью, что пьяней вина!

Перевела с болгарского
М. Павлова.

Димитр МЕТОДИЕВ

Песня о России

Все сталось до меня
В потемках дней,
Когда я был
Безвестного безвестней:
Ни даже завязью,
А древней песней
У матери —
Болгарии моей.

Ой, мама, конь к коню,
Шелом к шелому льнут,
Юнаки скачут
С песней о Шишмане...[1]
Нет, мама милая,
Нет, это басурмане
Болгар ведут
И в барабаны бьют.

Кто,
Кто не спит?
Кто бредит до утра,
Чтобы заря отчизну осветила,
Заря, что пять веков не восходила?
Кто, бредя, слышит дальнее
«Ур-ра-а!»,
И гул копыт, и сабель перезвон,
Что все растет,
растет,
растет упрямо?

Я это слышал.
Нет, родная мама,
Нет, нет, не я,
А взятые в полон...

Под минаретами,
В домишках тесных,
Притихших,
Повидавших хлыст и кнут,
Нас нет еще.
Пока мы только в песнях,
Нас женщины беременные ждут.

А бой идет...
Повитые дымами,
Нам цепи шлет
Султанская страна.
Нас нет еще,
Но цепи есть, и мамы
Нам шьют штанишки
Грубого сукна.

Цепь свяжет кандалы,
Цепь судьбы скрепит
И уведет чужому богу в дар.
Не нас считают,
А считают цепи,
И что ни цепь —
То дюжина болгар.

Идут...
Идут...
Дорогу не измерить.
Ой, мама, цепь к цепи,
К руке рука!..
Цепь...
Девять...
Тридцать...
Девяносто девять...
Две меры счета:
Цепи и века.

Свобода!
Даже дуб из великанов
О ней не помнит,
Хоть века стоит.
Ее припоминают лишь Балканы,
Когда в Балканах
Выстрел прогремит.

А утром с гор
Крови ручей горячей,
Сбежав, остынет
На родном дворе.
Ту кровь отцову
Первым горьким плачем
Оплачет сын,
Рожденный на заре.

И снова бой.
Для нас куются цепи.
На новый бой
У нас родятся дети.
И вновь ночами,
В час любви и сна,
Юнаки ставят
Ноги в стремена.

Неутешней очи карие,
И уста поют просимей:
«Горемычная Болгария
Пишет жалобу России...»

Лампадка меркнет.
Богоматерь плачет.
Уже чума пошла косить народ.
А конница юнацкая все скачет,
В кромешной тьме
Отыскивая брод.

Огонь и кровь —
Вот след коней юнацких —
Пожар и бунт...
Горячих не сдержать.
Две доли есть
У матерей болгарских:
Оплакивать убитых
И рожать...

Ночь.
Угли звезд,
Как раны ножевые.
Могилы. Ночь.
Остались ли живые?

Кто,
Кто не спит?
Кто ночи ждет, терпя,
Чтобы заря блеск сабель осветила,
Заря, что пять веков не восходила?
Кто молится, отчизна, за тебя?
Кто в трудной вере не забылся
сном,
Перед иконою склонивши выю?
Кто видит в богородице Россию
С печальным
И сочувственным лицом?

Чьи тоскуют очи карие,
Чьи уста поют просимей:
«Горемычная Болгария
Пишет жалобу России...»?

Спят дома
И видят милость божью
В дедовских дворах
Под купами ракит.
Матери беременные с дрожью
Слышат звон стремян
И дальний гул копыт.

Не басурман ли
По воротам бьет?
Не знамя ли Шишмана
В скачке вьется?
Или под сердцем
Сердце сына бьется?
Гул с севера.
Он все растет, растет!..

Ой, мама, конь к коню,
Ой, тучи из папах,
Ой, сабельный рассвет
Пришел из-за Дуная!..
Пришла Россия,
Видишь ли, родная:
Взошла заря,
Омытая в слезах...

Взошла заря
Превыше зорь других,
Что пять веков
Над нами не всходила...
За ту зарю
Россия заплатила
Бесценной кровью
Сыновей своих.

Болгария плечом прижалась к ней,
Прильнула благодарною душою,
Уже тогда беременная мною,
Свободой
И детьми моих детей...
Все было до меня,
Во мне все было,
А я был песней
Тех далеких дней,
Когда Болгария
Меня носила
Под чутким сердцем
Дочери своей...

Перевел с болгарского
Василий ФЕДОРОВ.

[1] Шишман — болгарский царь, после завоевания Болгарии турками ушедший в горы и погибший там в битве.

Павел МАТЕВ

Гимн

День преподносит нам не розы —
большие, новые дела.
Призывно и апофеозно
свистят в полете два крыла.
И снова
пламенем рассвета
республика озарена,
опять солдата и поэта
исполнить долг зовет она.
Сиянье нового восхода
отметил мудрый метроном.
И трубы множества заводов
на небе светятся родном.
Уже успели отогреться
росой омытые сады.
Похожие на слепок сердца,
в руках садов дрожат плоды.
И магия равнин и неба
вновь очаровывает нас,
и, как событья,
зерна хлеба
растут и крепнут каждый час.
По-еретически зарницы
блестят с небес, грозя бедой;
но их Марица не боится,
гася их пыл и блеск водой.

Перевел с болгарского
Павел Железнов.

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

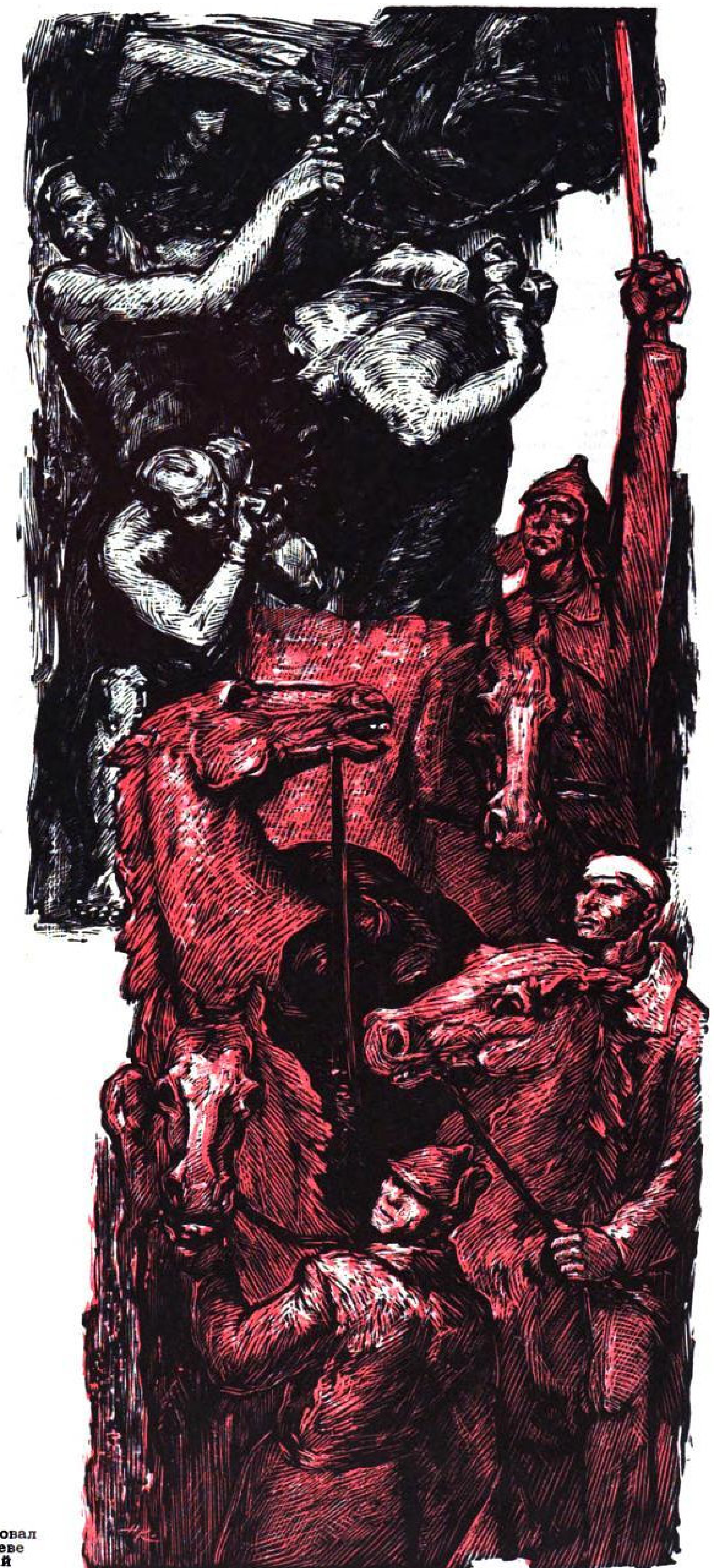
Молитва

Я ни к кому с молитвой не ходил.
Черты мои и грубы и суровы.
Я сам свою дорогу осветил,
Сам проторил,
И бредил тяжким словом,
Что выразит всю силу красоты
И доброту моей земли прославит
И все, чему я верил,— это ты,
Земля моя, что в горе не оставит,
Что хлеба даст,
Что ковш воды найдет...
Но этот круг колосьев и колодцев
Разнялся вдруг.
И потому грядет
Молитва, что в грядущем отзовется.

Болгария! Живу одной тобой.
Земля отцов! Живу твоей мечтою.
Не дай мне в наказание покой,
В беде не дай согнуться под бедою.
А если в мыслях к чистоте твоей
Я прикоснусь нечистыми руками,
Отмерь два метра от своих степей,
С высот Балкан скати ненужный камень.
Убей нечистых мыслей суету
И, как всегда, иди своей дорогой,
Чтоб солнце набирало высоту
И опускалось к твоему порогу.

Но если я всю ненависть врагов
Сумею одолеть на баррикадах,
Не надо мне ни славы, ни цветов
И памятника в будущем не надо.
К чему мне славы каменный покой
И ангельские крылья за спиною!
Одно хочу —
Чтоб ты была такой,
Какой во мне
Ты создавалась мною.

Перевел с болгарского
В. ФИРСОВ.

Гравировал на дереве Николай Калита.

Дечко Узунов, Светлин Русев. «ЗА СВОБОДУ».

Сегодня и завтра

Делчо АТЫПОВ

Роль кибернетики в сегодняшней экономике ученые сравнивают с той важнейшей ролью, которую сыграл паровой котел в промышленной революции.

Весною 1966 года я приехал на стройку Кремиковского металлургического комбината и заглянул к главному инженеру строительно-монтажного управления Всеволоду Атанасову. На стенах его кабинета были развешаны схемы, испещренные таинственными линиями и кодами. На схемах были прикреплены передвижные знаки, которые указывали ход строительства на разных объектах. Все это чем-то напоминало военные карты с обозначенными на них стрелами — направлениями главного удара.

Всеволод Атанасов объяснил: это и есть сетевые графики, разработанные специалистами из Челябинска с помощью электронно-вычислительной машины.

Так я впервые практически столкнулся с проблемой «Экономика и кибернетика».

Два года прошло с тех пор. Но за это время сделано так много, что теперь о нашем министерстве строительства говорят как о первом «министерстве кибернетики». Подготовлено две тысячи специалистов, сетевые системы планирования и управления применяются не только на отдельных важных стройках, но и в целых районах и управлениях.

Не так давно я побывал в окружном центре — городе Русе, что на Дунае. Все строительные объекты в округе — промышленные, сельскохозяйственные, жилищные, культурно-бытовые — создаются по сетевым графикам, разработанным на электронно-счетных машинах.

Местное строительное объединение по специальному каналу связи — телексу — непрерывно посылает информацию о ходе работ в Софию, в Институт строительной кибернетики. Там принимаются срочные меры для сохранения оптимизированных математических моделей.

Я разговаривал с рабочими, бригадирами и техническими руководителями строек. Новый научный метод вошел в их повседневный быт. Они учатся думать «кибернетически». В этом году индивидуальные и коллективные обязательства участников социалистического соревнования составлены на базе сетевых графиков. Теперь заранее точно известны научно обоснованные сроки для каждого вида работ. Теперь каждый монтажник знает, что и когда он должен сделать, чтобы в условленный день завод вступил в строй,— отсюда и конкретность заданий и реальность обязательств.

Сетевые графики дают возможность меньшими силами достигать бóльших результатов. В русенском строительном районе 500 квартир в прошлом году было смонтировано с помощью 4 башенных кранов, 3 тяжелых машин — панелевозов «Татра» и 36 рабочих. В этом году по сетевому графику монтаж 600 квартир будет проведен 1—2 башенными кранами, 2 «Татрами» и 24 рабочими. Эта программа уже перевыполняется.

Не так давно район промышленного строительства в Русе подписал договор с объединением «Автоматизация и приборостроение» о строительстве завода электроизмерительных приборов. Сетевой график на целых шесть месяцев сократил срок сдачи завода в эксплуатацию.

В Русе «кибернетизация» быстро входит и в другие отрасли народного хозяйства: создан региональный вычислительный центр, получена новая электронно-счетная машина, которая может выполнять 200 тысяч операций в секунду. Она обладает большой запоминающей способностью, устройством для практически неограниченной «внешней памяти», может одновременно работать по нескольким программам.

Ученые вычислительного центра, который тесно сотрудничает с советскими институтами, уже разработали пять своих систем по математическому моделированию в экономике, каждая из которых содержит десятки программ.

Автоматическая система непрерывного планирования, применяемая на заводе сельскохозяйственных машин имени Георгия Димитрова, позволила повысить прибыль предприятия на 10—15 процентов.

В сельском хозяйстве округа кибернетическое планирование дало экономический эффект до шести миллионов левов в год. Специалисты вычислительного центра разрабатывают сейчас такие производственные планы для 28 земледельческих хозяйств, которые позволят им в течение всего года обеспечить занятость рабочих рук, заметно повысить рентабельность животноводства и растениеводства.

В нашей стране осуществляется развернутая программа интенсификации и модернизации народного хозяйства. Она приблизит его к уровню самых передовых стран мира. Исследования показывают, что в нашем народном хозяйстве содержатся большие неиспользованные резервы.

Сейчас мы готовимся организовать единую систему обработки экономической информации. Создается сеть машиносчетных бюро, станций и электронно-вычислительных центров. Мы получаем много новейшего электронного оборудования из СССР и других стран.

В недалеком будущем начнется серийное производство болгарских электронно-вычислительных машин. Наши специалисты разрабатывают новые системы связи — с помощью радиолокации. Ведутся эксперименты по использованию лучей лазера.

Сегодня шаги кибернетики в нашей социалистической экономике очерчивают завтрашние контуры той большой программы, которую приняли и осуществляют ЦК Болгарской коммунистической партии и наше правительство. Эта программа основывается на новейших достижениях мировой и отечественной науки.

Райна Стефанова из государственного строительного объединения Русе

Табак без никотина...

Проблема создания табака без никотина занимает уже много лет ученых всего мира. Существующие медицинские сигареты неприятны на вкус, с плохим запахом.

После многолетних опытов и исследований молодой болгарский ученый доктор Христо Георгиев из Института генетики и селекции растений Болгарской Академии наук впервые в мире вывел табак, из которого производят сигареты без никотина. Но такой табак содержит в себе другой алкалоид, вот почему уже два года Христо Георгиев упорно работает над созданием совершенно безвредного табака. Несколько месяцев назад болгарскому ученому удалось получить безвредный сорт, обладающий при этом вкусовыми свойствами первоклассного табака. Для этого доктор Георгиев сделал прививку табака на многолетнем тропическом растении. Это скрещивание создает перспективу, что табак может превратиться в многолетнюю культуру.

В. КРЫСТЕВА

Сбор табака.

Фото Вл. Иванова.
Пресс-бюро БТА.

Новая легковая

Все мировое автомобилестроение охвачено электромобильной лихорадкой, потому что этот вид машин считается одним из самых совершенных транспортных средств будущего.

Болгария входит в число стран, которые проводят эксперименты в области создания электрической легковой машины. Первая опытная конструкция—двухместный «Пионер-63». По мнению специалистов, «Пионер-63» находится на уровне экспериментальных моделей самых высокоразвитых технических стран. Его электрический двигатель обеспечивает скорость 55 километров в час. «Пионер-63» — первый из серии моделей, из которых будет выбран промышленный образец.

Н. МИТЕВ

передает информацию в Институт строительной кибернетики в Софии.

Фото Н. Ставрова.

Завод «Электроника» — София.

Фото Г. Копосова.

Болгарские Помпеи

У деревни Никюп, округ Велико-Тырново, находятся болгарские Помпеи — остатки древнего римского города Никополис-ад-Иструм — «Города Победы», построенного римским императором Траяном во II веке нашей эры.

Город расположен на высоком плато, хорошо распланирован. Главные артерии его образуют форум, поднятый на несколько ступеней и таким образом изолированный от уличного движения. На площади, устланной большими каменными плитами, под открытым небом собирались философы, поэты, судьи. На запад от форума расположены остатки общественных зданий. Некоторые из улиц города были покрыты навесами, которые оберегали прохожих от дождя и солнца. Навесы поддерживались мраморными колоннадами.

Среди находок, сделанных во время раскопок в городе, несколько подлинных шедевров: мраморная статуя бога любви Эроса — копия утраченной скульптуры Праксителя, бронзовая голова молодого императора Гордиана III и др.

Раскопки ведут ученые Софийского археологического музея.

Ст. ИВАНОВ

«Жилище 2000 года»

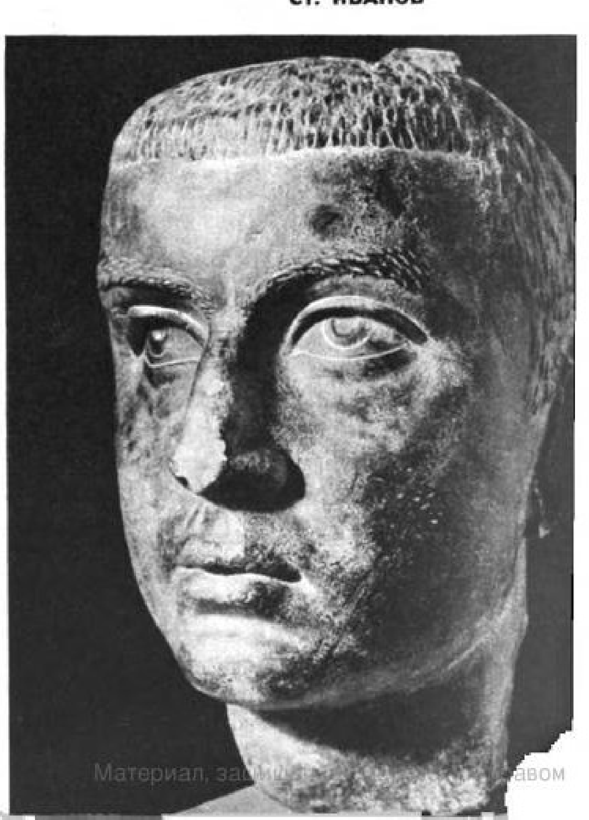
Союз архитекторов Болгарии объявил конкурс на тему «Жилище 2000 года». На конкурс было представлено около 20 проектов. Первый приз вручен коллективу, которым руководит архитектор Никола Каменов. Авторы предлагают в будущем, когда число жителей многократно увеличится, не занимать обрабатываемые площади земли, а застроить южные склоны Стара-Планины. Цепь солнечных городов, находящихся, по мысли архитекторов, в непосредственном контакте с природой, будет чередоваться с промышленными центрами, расположенными в ущельях гор. Быстроходные экспрессы будут связывать Стара-Планину со всеми частями страны.

Проект коллектива, которым руководит архитектор Вл. Рангелов, заместитель министра архитектуры и благоустройства, предлагает так называемое ленточное расположение будущих городов — в основном вдоль Черноморья, Дуная, рек Струмы и Марицы. Здесь исчезнет надземный автомобильный транспорт, а на его месте появятся так называемые транспортеры — кабины для 2—3 человек, которые движутся вертикально и горизонтально под землей со скоростью до 25 километров в час. Легковой машиной будут пользоваться только для связи с другими населенными пунктами.

М. НИКОЛОВ

Так выглядит проект города будущего.

Бронзовая голова Гордиана III.

Игра в государства

Димитр ГУЛЕВ

Рассказ

Рисунок С. БРОДСКОГО.

Больше всего мы любили играть в государства.

Собирались обычно после обеда, когда спадала полуденная жара, на ровном асфальтированном тротуаре перед Жениным домом. И тогда улица, обычно тихая, оглашалась нашими веселыми голосами. Играли только старшие, уже большие и сильные ребята, а те, что помладше, сидели на заборе и бурными возгласами встречали победы и поражения в игре.

Мелом или куском сухой известки на тротуаре чертился большой квадрат, каждый из ребят отделял для себя часть его, куда крупными буквами вписывал название выбранного государства. Потом договаривались, кто будет выкрикивать первым. Каждый ступал одной ногой в свое государство, и игра начиналась.

— Бьет, бьет, бьет!..— кричал один из мальчишек, и все тревожно замирали, а услышав название страны, бросались врассыпную.

Тот, чье государство выкрикивали, гнался за остальными и, поймав кого-нибудь, «отрезал» у него часть «земли».

Мы выбирали только те страны, о которых слышали в школе или от родителей. Я всегда хотел быть Болгарией и ежедневно спорил из-за этого с Недко, сыном жестянщика Ставри. Недко был уступчивее и в конце концов всегда соглашался выбрать другое государство. Грецию обычно брал рослый, толстый Филипп. Он всегда проигрывал, но не переживал и не сердился из-за этого, а только смешил всех своими жалобами. Проворному, лукавому Илийке мы всегда оставляли самую маленькую страну... Шла война, в газетах и по радио часто упоминались незнакомые нам ранее государства, и почти ежедневно кто-нибудь из нас поражал остальных новым названием.

Мы без устали играли дотемна. Порой прерывали игру и бежали смотреть на длинные серые колонны немецких войск, медленно двигавшиеся по соседней, вымощенной булыжником улице. Потом опять возвращались на старое место и, если не играли, усаживались возле Жени. Она была года на два моложе нас, но всем нам казалось, что красивее, умнее и лучше ее нет девочки на свете. Нас, как магнит, притягивали ее синие ясные глаза, мы восхищались ее рыжими пышными волосами, обрамляющими нежное лицо с гладкой, матовой кожей. При ней мы становились разговорчивее, остроумнее, каждый старался перещеголять других, и, пока Женя не уходила, никто, несмотря на усиленный зов матерей, не шел домой.

Зато все вздрагивали, когда на улице появлялся Женин отец. Мы узнавали его еще издали. Даже в самые жаркие дни он ходил в темном пиджаке и черной широкополой шляпе, отбрасывавшей тень на его бледное лицо. Илийка божился, что на голове у Жениного отца не было ни единого волоска, но мы никогда не видели его без шляпы и без кожаной перчатки на правой, безжизненно висевшей руке.

Увидев отца, Женя тоже переставала смеяться и смиренно ожидала его приближения. Молча взглянув на нас своими бесцветными глазами, он протягивал Жене здоровую руку, и они уходили домой. Этот человек распалял наше мальчишеское воображение, и, сев в кружок, мы начинали рассказывать в темноте всякие страшные истории. Мы знали, что он работает в большом желтом здании, откуда получают приказы все полицейские, и редкий вечер проходил без гаданий о том, насколько влиятелен этот замкнутый, холодный человек, который одновременно и привлекал и отталкивал.

А на следующий день мы снова собирались около Жениного дома. Незаметно из квадратов исчезали названия многих государств. Обычно выигрывал тот, кто выбирал Германию, и, желая выиграть, многие выбирали эту страну. Один Недко никогда не хотел быть Германией и всегда выбирал другие, неизвестные нам страны. Никто не удивлялся этому. Недко учился лучше нас всех и должен был знать, какие страны есть на свете и какая из них самая сильная.

Но мы были искренне поражены, когда в один из июльских вечеров Недко написал в своей части квадрата «Советский Союз». В пер-

вый момент все оторопело посмотрели на него.

— Зачем это тебе? — первым пришел в себя Филипп.

— Так! — отрезал Недко, и его карие глаза дерзко блеснули.

Невысокий, плечистый, крепкий, он никогда не дрался, никому не грубил. Ребята его уважали, за ним всегда заходили, чтобы позвать играть, хотя он жил дальше всех. Поэтому и теперь все сразу же согласились с новым названием, впервые появившимся в квадрате.

Игра началась.

На этот раз Германией захотел быть Филипп в надежде, что теперь-то уж обязательно выиграет, и, как всегда, проиграл. Когда выкрикивали «Советский Союз», Недко преследовал только Филиппа, даже если кто-нибудь другой был ближе, ловил его одного.

— Проигрываю, пропадает Германия! — сокрушался Филипп и протяжно тянул: — Вечная ей память, аллилуйя...

Слово «Германия» было так тесно связано с войной, с лишениями, с кукурузным хлебом, с гулом самолетов в голубом небе и озабоченными лицами родителей, что мы радовались проигрышу Филиппа и подыгрывали Недко.

А тот играл с каким-то остервенением. Скакал возле Филиппа, хватал его то за воротник, то за руку и пядь за пядью отвоевывал у него территорию. И, возможно, оттого, что мы впервые видели Недко таким возбужденным, все радовались его победе. Он бегал, раскрасневшийся, взъерошенный, и гордо выпячивал грудь, глядя в сторону сидевших на заборе ребят, которые шумно выражали ему свой восторг.

Женя хлопала в ладоши и смеялась, разметывая пламя своих волос. Один раз она даже подбежала к квадрату, посмотрела на Недкино государство и восторженно закружилась на одном месте.

— Какое большое государство, какое большое! — воскликнула девочка.

Недко вытащил из кармана кусок мела и снова крупными буквами написал название своего государства. Прохожие удивленно оборачивались — одни улыбались, другие хмурились и торопились поскорее пройти. Но мы ничего не видели. Увлекшись игрой, мы не заметили даже Жениного отца, остановившегося возле забора. Кто знает, сколько времени он наблюдал за игрой. Мы увидели его только тогда, когда Илийка налетел на него и, как мячик, отскочил в сторону. Все замерли на своих местах. Женин отец стоял неподвижно, устремив холодный взгляд на Недко, и только его нижняя губа, тонкая и бледная, слегка подрагивала. Женя смотрела на отца расширенными от ужаса глазами и бессознательно вытирала руки о платье.

Недко отступил назад, но Женин отец быстро подошел к нему и здоровой белой рукой ударил по лицу.

— Марш отсюда! — прохрипел он.— Убирайтесь все! И чтобы я больше не видел этой игры...

Он кивнул головой в сторону квадрата и, плюнув в Недкино государство, пошел к своему дому.

Женя побежала следом за ним.

Мы стояли ошеломленные, испуганные, обиженные. Недко потрогал горевшую щеку, осмотрелся по сторонам, схватил большой камень, и не успели мы опомниться, как он метнул его в Жениного отца. Но вместо него попал в Женю. Девочка вскрикнула от боли, мы бросились врассыпную, и улица моментально опустела.

На следующий день мы не посмели прийти к ее дому. Притаившись во дворах своих домов, тихонько переговаривались через щели в дощатых заборах. Никто не решался прийти к Недковым. Так прошло несколько дней. Матери диву давались, видя, какими послушными и примерными мы вдруг стали. Но постепенно страх утих, и мы снова собирались возобновить свои игры, когда неожиданная новость поразила нас всех: выслали из города Недковых. Сначала никто этому не поверил. Забыв о недавних страхах, мы с Филиппом побежали к дому дяди Ставри. Там уже были и другие наши товарищи. Глядя на опустевший дом, мы не могли поверить, что Недко уже нет среди нас. В этот день рано утром под полицейским конвоем Недко, его брата, дядю Ставри и тетю Шинку увезли на вокзал и посадили в поезд.

Мы шлепали босиком по раскаленным плитам тротуара, и одна и та же мысль терзала нас: не из-за нашей ли игры в государства выслали Недковых? Подойдя к Жениному дому, мы оцепенели. Женя сидела в садике на скамейке с забинтованной головой, волосы ее были необычно подняты кверху и ярко выделялись на белом фоне бинта. Она держала на коленях раскрытую книгу, но не читала, а недоуменно, с болью и тоской смотрела на нас своими большими синими глазами. Я вспомнил о Недко и отвернулся, с удивлением отметив, что и другие ребята смотрят в сторону. Что-то теплое, грустное сдавило мне горло, на глаза навернулись слезы, и я поторопился поскорее уйти домой.

В этот день вся наша улица говорила о дяде Ставри, и я узнал, что старший брат Недко, который был солдатом, убежал из казармы и бесследно исчез.

— За это их и преследуют,— вздохнула мать, и ее глаза стали печальными, а я подумал про себя, что не только поэтому: здесь еще виновата игра в государства и камень, брошенный Недко в Жениного отца.

Но никто из взрослых об этом не знал.

К вечеру мы опять собрались на нашем обычном месте. Жени не было. Нам не хватало ее, чтобы начать игру, а для страшных рассказов еще недостаточно стемнело. Мы уселись на краю тротуара. На улице было необыкновенно тихо. Вдруг Филипп встал и извлек из своего бездонного кармана кусок мела.

— Давайте начинать! — предложил он и нагнулся, чтобы начертить квадрат.

Все оживились. Каждый выбрал себе государство. Только Филипп, о чем-то размышляя, присел и старательно вывел «Советский Союз».

— Филипп, зачем? — спросил его Илийка.

— Так! — упрямо тряхнул головой Филипп.— Ради Недко!

Все чувствовали, что на этот раз за игрой кроется что-то серьезное, большое, чего мы до конца не понимали. Дети, сидевшие на заборе, не шумели, как обычно, а постоянно оглядывались по сторонам. Женин садик был пуст. Мы играли без желания, просто по привычке, и, возможно, поэтому Филиппу было легче ловить игроков. Как будто не он, а Недко играл на его месте. Филипп носился по всему квадрату, и яркий румянец проступал у него откуда-то из-за ушей и заливал покрытые пушком щеки. Он первым заметил двух полицейских, показавшихся в конце улицы. Может быть, они пришли за нами, посланные Жениным отцом.

— Продолжайте,— прошептал Филипп и внезапно побледнел.— Выкрикивайте мое государство.

Илийка, который должен был на этот раз выкрикивать, испуганно оглянулся, втянул голову в плечи и молчал.

— Я буду выкрикивать! — хрипло произнес Филипп, и его голос прозвучал на всю улицу.— Бьет, бьет, бьет... Советский Союз.

Полицейские остановились как вкопанные, переглянулись и направились к нам. Илийка собрался было бежать, но Филипп остановил его:

— Стой! Кричать буду опять я!

Все сгрудились около квадрата. Я смотрел на побледневшее лицо Филиппа. Наступила такая тишина, что с другого конца улицы были слышны тяжелые шаги полицейских. Сердце тревожно колотилось у меня в груди.

— Бьет, бьет, бьет...— Филипп судорожно глотнул слюну. Голос сорвался, слова душили его. Он замолчал, стиснул рукой шею и крикнул: — Бьет Советский Союз!

Мы побежали. Я видел через плечо спешивших к нам полицейских, и мне казалось, что мы еле передвигаем ноги. Передо мной мелькали голые пятки Илийки и заплатки на его коротких штанишках. Мы остановились только на углу. Прохожие старались поскорее пройти мимо нарисованного квадрата. Полицейские наклонились над ним, чтобы прочитать названия вписанных в него стран, и издали грозили нам кулаками. Потом принялись усиленно стирать надписи ногами. Шляпки гвоздей, которыми были подбиты подошвы их сапог, царапая асфальт, издавали отвратительный, скрежещущий звук, наполнявший наши сердца тревогой.

После этого случая каждый вечер на нашей улочке появлялись полицейские. Мы не решались выходить из своих дворов, никогда больше не собирались перед Жениным домом и никогда больше уже не играли в государства.

Перевод с болгарского.

Лиана ДАСКАЛОВА

* * *

Он землю от рождения не видел,
Не видел мать и родину свою.
И было все равно ему услышать:
Вот синее, вот золото...

Он знал и ощущал,
Как только могут
Слепые ощущать
Тепло и ветер.

Но вот однажды глобус перед ним
Поставили на парту осторожно.
Он руки протянул
И трепетно в объятья заключил
Весь шар земной.
Он что-то лихорадочно искал...
И замер класс,
И все умолкли сразу.

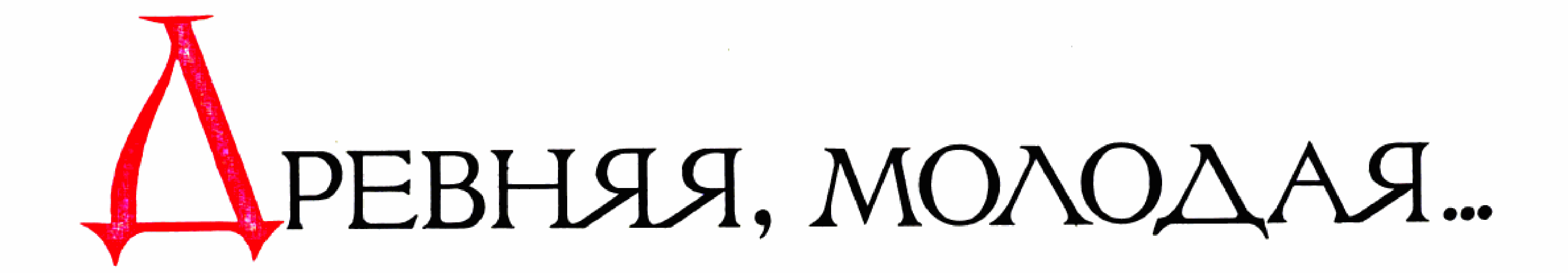
Среди меридианов,
Параллелей,
Среди морей и океанов дальних,
Расцвеченных зеленым, синим, белым,
Он родину искал,
Болгарию свою...
И он, лишенный восхищенья светом,
Искал,
И понимал,
И чувствовал ее,
Как солнце!

Какой она была в его воображенье?
Красивая, невзрачная?

Он, может, представлял ее звездой,
Упавшей из космических глубин...
Он доверялся сердцу:
Словно компас,
Его удары направляли руки.

И на прохладном глобусе земном
Искал он землю —
Колыбель свою,
Свою любовь,
Свою печаль и пристань.
Подсказчики как будто онемели.
И плакали насмешники украдкой,
И класс нетерпеливо продолжал
Следить за тем,
Как пальцы, обезумев,
В агонии по глобусу метались.

Перевела с болгарского
Людмила ШИКИНА.

Древняя, молодая...

Ким БАКШИ

Рабоши — так называется посох, который я видел в музее,— тяжелый, много ношенный своим хозяином, крепко держанный в руках. На блестящем, словно лакированном стволе имена — Иван, Тодор, Делчо...

Экскурсовод объясняет притихшим слушателям: «Так в стародавние времена сохраняли в памяти имена своих должников».

Мне кажется, у меня в руках посох, на нем записаны имена тех, кому я должен. Здесь не только люди — города, села, горы — планины. Здесь все то и все те, что так щедро, без отмеривания, не рассчитывая, естественно, ни на какую долговую зарубку, дарили нам свою сердечность и теплоту.

●

Машина уносит нас на юго-восток от Софии, во Фракию. Впереди синей стеной встает Рила — самый высокий хребет на Балканах. Вознесенные к облакам Рильские озера поят Софию холодной и мягкой водой.

Дорога не выдерживает наступления гор, начинает извиваться, петлять. С подъемом воздух холодеет, и когда мы достигаем курорта Боровец — ели, сосны, спокойствие, тишина, виллы и коттеджи, затерянные в чащах,— дышишь сосновым настоем такой густоты, что кажется, его можно разливать в бутылки, газировать и подавать на стол вместе со льдом.

Горы здесь — вплоть до верхних, снежных — безмолвны и неправдоподобно красивы. От жаркого дня из ущелий поднимается сиреневая дымка, она размывает лесистую шкуру противоположных склонов. На секунду чудится: это Грузия, там я видел подобные красоты.

Но это Болгария, которая отлично умеет приспособить не только морское побережье, но и горы для туризма.

Фракия — золотая равнина. Фруктовые рощи, виноградники, поля табака, риса, овощей. Села сплошь каменные, в зелени садов, всем своим обликом напоминающие города. Мы едем по древней дороге, связывающей Запад с Востоком. Не по ней ли мчались на конях белее снега и быстрее ветра фракийцы, о которых говорится в гомеровской «Илиаде»? По этой дороге шли воины Филиппа и Александра Македонского, римляне, византийцы, турки. Сегодня по ней к морю, к Бургасу едут мирные туристы. Дорога отличная — то асфальт, то брусчатка, долговечная, ровная, ее в Болгарии ценят больше, чем любое другое покрытие.

●

Еще в Софии нас предупреждали: будьте внимательны к Пловдиву. Это второй город Болгарии, красивейший и едва ли не самый старый на Балканском полуострове.

Хорошо, что мы въезжаем в него поздно вечером: так легче охватить город в целом, без деталей. Видишь лишь чертеж, который рисуют огни, то уходящие куда-то ввысь на невидимые холмы, то свисающие гирляндами, сложно переплетающиеся, соответственно схеме улиц.

Подъезд отеля «Тримонциум» высвечен прожекторами. Подкатывают машины, из них, одетые в белое, как невесты, выпархивают девушки; на ступенях в торжественных черных костюмах их ждут причесанные, повзрослевшие ребята.

Тесным кольцом стоят, аплодируют и умиляются папы, мамы, бабушки, тетушки. Еще бы! Такое событие: школьный выпускной бал абитуриентов, который по заведенному правилу устраивается в лучших ресторанах города.

Мы вошли в номер и открыли окно. Снизу доносились аплодисменты и периодически повторяющиеся звуки туша. А впереди, вдали, над самым городом парила в воздухе высвеченная прожекторами фигура советского солдата-освободителя. Его знает вся Болгария, вся Болгария зовет его просто Алеша. Почему не Иван, не Петр, а именно Алеша? Проводили опросы, анкеты, но они ничего не объяснили. Алеша — и все!

●

Пловдив многолик. Человек, попавший сюда впервые — кто бы он ни был,— найдет в нем много такого, что соответствует его интересам. Если вы инженер и вас занимает организация современного промышленного производства, вы побываете на комбинате цветных металлов, на заводе асинхронных электродвигателей или на заводе электро- и автокаров.

Спортсмены будут восхищены новым комплексом — бассейнами, площадками, огромным стадионом, где тренируются футболисты пловдивской «Тракии» — чемпиона Болгарии прошлого года. Для представителя торговых организаций Пловдив — это знаменитая ярмарка — целый город павильонов.

Для музыканта Пловдив — это майский фестиваль опер Верди, который проходит на высоком холме у подножия Алеши, традиционные концерты Моцарта, Гайдна и Бетховена в заросшем розами дворе Этнографического музея — старинного дома болгарского Возрождения.

Пловдив обладает Панагюриштским сокровищем. Это золотой сервиз для вина: эллинистические амфоры, поднос, ритоны — шесть с лишним килограммов светлого яркого золота. Но ценность его, конечно, не измеряется в килограммах. Это — произведение искусства мирового значения.

Есть в Пловдиве государственная меховая фабрика. Это — одно из многих предприятий, где мы побывали, но именно здесь произошел разговор, о котором я хочу рассказать.

В кабинете директора фабрики, кроме нас,— главный инженер Алексей Колев, главный технолог Костадина Кутинчева и сам директор Костадин Тезъянов, тридцатисемилетний экономист с университетским дипломом.

Мы говорим о том, что волнует сейчас Болгарию и Советский Союз,— об экономической реформе в наших странах.

Костадин Тезъянов очень интересно рассказывает о п р и н ц и п а х оплаты, и я начинаю понимать, как глубоко он разбирается в тех материальных стимулах, которые так разнообразно используются в ходе экономической реформы. Он рассказывает о том, что оплата теперь у них многофакторная, то есть человек получает не только за выполнение плана или нормы, но и за экономию сырья, энергии, материалов, за качество продукции, за степень использования машин, отсутствие аварий и так далее. Кроме того, хорошая работа цеха, всей фабрики тоже дает материальное вознаграждение. Так, через сложную (мороки очень много, руководить стало труднее!) систему оплаты интересы каждого работника связываются с интересами всего социалистического общества.

●

Да, Пловдив многолик. Древнее в нем сплетается с новым. Новое находится в быстром изменении, бурном развитии, как, впрочем, и вся Болгария.

Об этом нам говорил первый секретарь Окружного Комитета партии, кандидат в члены Политбюро ЦК БКП Костадин Гяуров. Еще он прибавил:

— Не забудьте, пожалуйста, что Пловдив славится своими традициями освободительной и революционной борьбы. Партийную организацию создавал еще Димитр Благоев. Впоследствии руководителем пловдивских коммунистов стал Васил Коларов.

— И еще не забудьте о братских связях с советским народом. После нападения фашистской Германии на Советский Союз в наших краях действовали четыре партизанских бригады. Сейчас по их дорогам в Родопы, на Стара-Планину пошли пионеры и комсомольцы — следопыты славы отцов. Наш сельскохозяйственный округ дружит с Тираспольским районом, а город Пловдив — с Кишиневом. Минские тракторостроители помогают нам освоить выпуск трактора, наши ученые-овощеводы делятся своим богатым опытом с украинскими товарищами. Таких примеров столько, что можно так вот перечислять хоть час, хоть два...

...Тысячи нитей связывают наши города, села, наши сердца.

Промышленный Плевен дружит с Ростовом-на-Дону. Крупный дунайский порт Свиштов дружит с днепровским портом Кременчугом. Ташкентская область — с Хасковским округом. А Стара-Загора — один из центров большой химии и энергетики — с Куйбышевом. Из старой Самары в руки болгарских ополченцев было передано знаменитое Самарское знамя, покрытое кровью и славой в боях за Стара-Загору.

Узы побратимства связывают наши земли.

●

Мы сидим в рыбном ресторанчике, недалеко от моря. Приехали в Бургас поздно вечером и вот ужинаем, отдыхаем с дороги. С нами Неделчо Драганов, писатель, уроженец этих мест. Он о чем-то оживленно говорит с сидящими за нашим столиком людьми, похожими на бывалых моряков. В таком предположении нет ничего странного. Бургас — морские ворота страны, а Болгария — морская держава. Кстати сказать, она приобрела восемь океанских траулеров, бороздящих теперь моря и океаны от Гвинейского залива до Монтевидео.

За несколько дней поездки по стране мы научились понимать по-болгарски, если, конечно, говорят не очень быстро. Как все-таки близки языки! Но в данном случае мы что-то ничего не понимаем. Может быть, устали с дороги? Неделчо смеется: это бургасский жаргон моряков, нужно его знать.

В открытые двери заглядывает приморский вечер. Где-то рядом порт. Там «Орел» из Одессы. Синеет, наливается темнотой море — все в крапинах огней. Зажглись оконца в модели фрегата, стоящего на полочке. В ресторанчике шумно. Перед нами шкворчит каким-то особым бургасским способом запеченная какая-то особая бургасская рыба. Так по крайней мере утверждают наши соседи, перешедшие по нашей просьбе с бургасского на общепонятный, болгарский.

Я давно уже заметил, что это дома ты москвич, ленинградец, сибиряк, за рубежами тебя принимают за представителя Советского Союза в общем и целом. Поэтому приходится отвечать за то, что не знаешь химика из Днепропетровска не то Харченко, не то Марченко, такого отличного парня, он был шесть месяцев на Бургасском нефтехимическом комбинате. Наши новые знакомые, оказывается, химики. Они мечут громы и молнии в наши головы за то, что мы не знаем уральцев Петрова и Савушкина. «Простые, хорошие ребята, задушевные. Ну, прямо болгары — да и только! Неужели не знаете их?!»

Волей-неволей мы начинаем что-то припоминать. Собеседники смягчаются и берут слово, что мы приедем на Нефтехим.

●

Это деловое отступление мне хочется сделать, находясь здесь, на смотровой площадке десятиэтажного административного корпуса Бургасского нефтехимического комбината, спроектированного и построенного из советского оборудования, с помощью советских специалистов.

Мы проехали всю Болгарию и увидели в ней не просто строительство промышленных предприятий, больших или малых — неважно. Мы увидели такое строительство и таких предприятий, которые характеризуют высокоиндустриальную страну второй половины двадцатого века. Это химический синтез, это электроника, это применение электронно-вычислительной техники и методов математической экономики. Это выпуск оборудования, которое, безусловно, стоит на мировом уровне и является предметом спроса в самых высокоразвитых странах. Такое полиэтиленовое производство, как на Бургасском нефтехиме, есть только у СССР, США да еще, может быть, в 3—4 странах — во Франции и Японии, например. Отсюда и высокая рентабельность комбината: за два года и девять месяцев он возвратил все вложенные в него средства, а ведь это самая крупная стройка Болгарии после Кремиковского металлургического комбината.

По международному социалистическому разделению труда Болгария вывозит продукцию

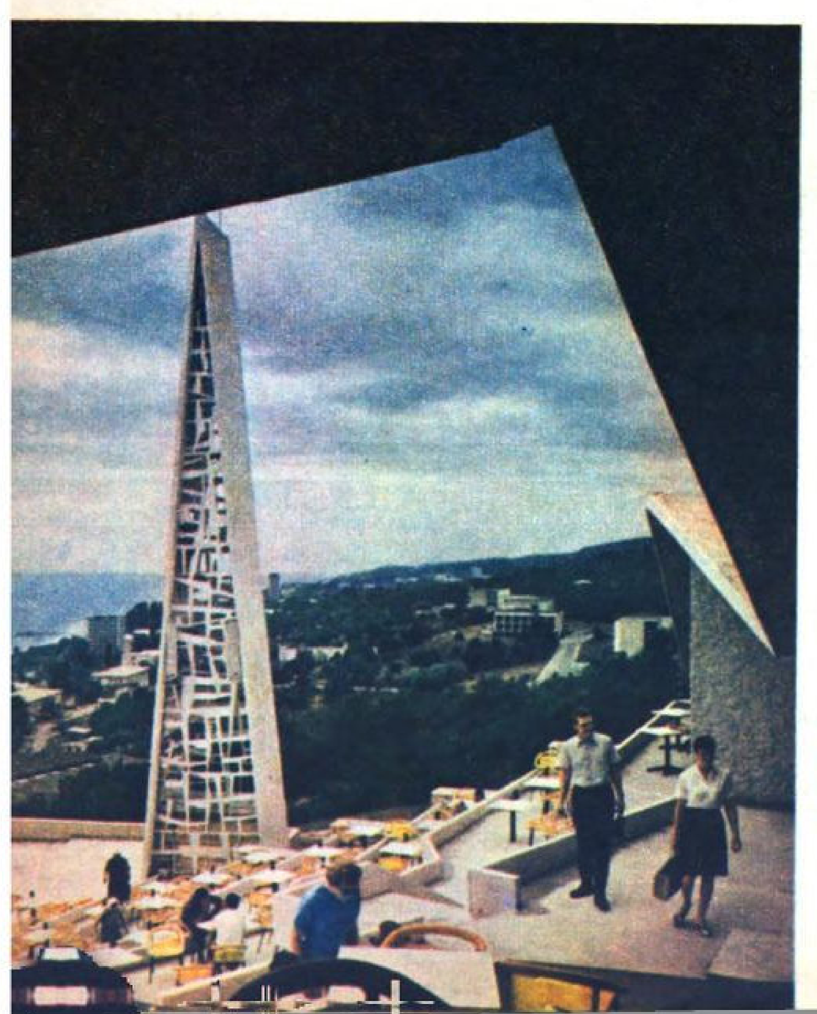
На снимках: древняя и молодая, многоликая Болгария. Металлург из Кремиковца. Города без окраин. Новейшие моды демонстрирует старый Пловдив. Солнечный берег. Автоматизированное производство — химия плюс электроника. Бережно сохраняемые народные традиции. Хоккей при жаре +30°!

Болгария — это Бургасский нефтехимический гигант, долина роз и рекордные на весь мир урожаи пшеницы.

Больше двух миллионов туристов побывает в 1968 году в Болгарии. На берегу Черного моря создано созвездие первоклассных курортов.

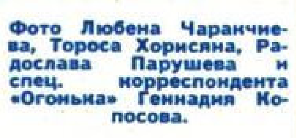
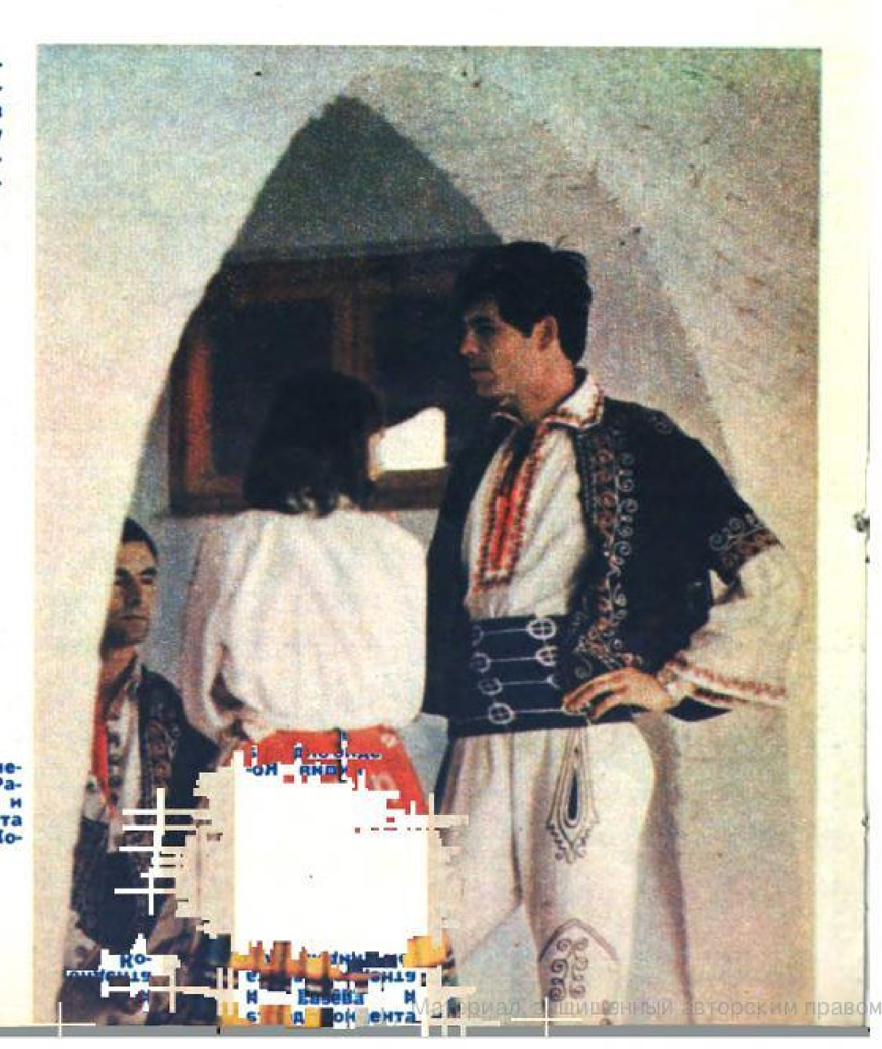

Фото Любена Чаранчиева, Тороса Хорисяна, Радослава Парушева и спец. корреспондента «Огонька» Геннадия Копосова.

комбината в Советский Союз, ГДР, Чехословакию, Венгрию и другие страны.

●

Вместе с Христо Чолаковым мы идем по асфальтированной неширокой дороге, проложенной в зарослях роз. Навстречу нам тарахтит небольшой оранжевый трактор, везет свежескошенную остро пахнущую траву. Мы невольно сторонимся, пропуская его, и Христо смущенно поправляет красную каску монтажника. И впрямь как-то странно видеть человека в брезентовой робе в этой несколько идиллической обстановке. Но мы не в розарии, мы по-прежнему на территории нефтехимического комбината.

Христо Чолаков по нашей просьбе рассказывает о себе. Его рассказ очень краткий, это скорее перечень строек Болгарии.

«Родом из горной Елены, что под Тырновом; тридцать восемь лет. Строил ТЭЦ на Марице, работал на заводах в Софии, на шахтах в Бургасе, здесь на комбинате монтируем новые производства. Что еще? Женат, есть мальчик и девочка. Что еще? Запланирована еще одна дочка. Ну вот и вся биография».

Нет, не вся. Христо забыл сказать о головокружительной высоте, на которой он работает. О зимнем ветре, который так и норовит подставить ножку, столкнуть со стальных конструкций. О головокружительной работе — за 500 дней пустили Нефтехим — голова действительно кругом шла от усталости, но знали: надо, надо! О том, как это постоянное «надо», это высокое сознание цели позволили ему и его товарищам продвинуться дальше всех, трудиться точно, быстро, экономично.

Христо забыл также сказать, что первого мая 1968 года ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

●

А теперь мы приглашаем вас на море. Собственно, Бургас — это и есть море, но здесь оно трудовое, портовое, промышленное, хотя, конечно, есть и прекрасный пляж, и туристы, и отели. Но скажите, что возникает у вас в воображении при слове Варна? Золотые пески, теплое море, отпуск, одним словом, нерабочее настроение. А ведь Варна — третий город Болгарии, и притом город сугубо рабочий. Но разве беда, что мы Варну связываем со знаменитыми курортами? Думаю, что скоро — года через два — Бургас в глазах широкой отдыхающей публики приобретет еще большую курортную славу, чем Варна. Мы присутствовали при деловом, без шума, так сказать, рабочем рождении этой славы.

То, что Бургас южнее Варны,— это географический факт, но к нему присоединяется и еще ряд немаловажных факторов. Чтобы убедить в этом, руководители бургасского «Балкантуриста» дали нам сопровождающим Илию Джестанова.

Уроженец здешних мест, еще мальчишкой, комсомольцем, он вел подпольную работу, в 1942 году был арестован фашистами и осужден на 12 лет тюрьмы. Освобождение Бургаса принесло и ему свободу. Эту свободу он использовал для работы, для учения. Окончил институт, стал экономистом, изучил немецкий и русский языки. Илия ни на секунду не сомневается, что край вокруг замечательный, он влюблен в море и в эту землю.

Машина быстро проскочила до Мичурина — тихого белостенного городка, одного из самых южных на болгарском Черноморье. Илия не навязывал свое мнение, не настаивал, чтобы мы обязательно вылезли из машины и восхищались. Он лишь тихо кивал за окно — мол, посмотрите, обратите внимание.

И мы обращали внимание, по собственной инициативе останавливались, бродили по редкой красоты местам, по мягким волнистым дюнам, засаженным виноградными лозами. Да, ничего не скажешь, пятьдесят километров широченного пляжа: тончайший песок, уютные бухточки, вода в них нагревается на несколько недель раньше, чем на севере, и соответственно позже остывает. Рядом лес, горы... Идеальное сочетание для новых курортов! И они уже построены и стремительно расширяются: Приморско — на маленьком полуострове у подножия Странджских гор; Стамопло — здесь возникнет комплекс на 17 тысяч мест (скажем для сравнения, что знаменитые «Золотые пески» под Варной сейчас — 13 800 мест, 62 отеля); Аркутино с его первоклассным мотелем, кемпингом, рестораном и рыбацкими хижинами на заросших лесом морских берегах.

Центром нового курорта станет древний Созопол, основанный милетскими греками в VII веке до нашей эры, город рыбаков и художников.

Мы бродили по его узким улочкам, упирающимся в море, и чайки висели прямо над головой, чуть подрагивая крыльями. Внезапно они опускались на крыши к большим, похожим на уток птенцам. Птенцы ходили осторожно, словно ощупывали лапами нагретую черепицу.

Гриновский город, пропахший водорослями и ромашкой. Чего стоят одни названия его улиц — Морские скалы, Волнобой, Аполлония...

●

Здесь Илия Джестанов прервал лирическое течение наших мыслей, чтобы сделать деловое отступление в двух пунктах.

Он изложил взгляды болгарских экономистов и строителей на курорты. Думаю, что и нам небесполезно будет их узнать.

Ну, во-первых, не следует увлекаться только высотными гостиницами. Нужно разумное сочетание: башня-отель и вместе с тем — скромное дешевое бунгало на двоих (рай в шалаше, правда, с электричеством), семейные коттеджи, затерянные в зелени.

Герой Социалистического Труда Мирон Брезоев.

Во-вторых, нужно ценить и умело использовать свое, национальное. С помощью дерева, соломы, веревок, шкур, глиняной посуды, разноцветного рядна и т. д. можно создать (очень дешево) такие оригинальные места для отдыха, которые будут пользоваться большей популярностью, чем стекло — бетон. За примерами ходить недалеко — «Солнечный берег», что севернее Бургаса. Здесь есть так называемые бытовые рестораны: «Чучура» — под открытым небом у ключа-фонтана расставлены низкие трехногие столики и стулья, какими пользовались в старые годы крестьяне, развешаны нити горького перца, чеснока, лука; ресторан «Бочка», «Рыбацкая хижина», «Ветряная мельница», где столами служат жернова, а вместо стульев наполненные мешки.

В Варне мы не раз вспоминали слова Илии Джестанова, кстати, их повторил и Димитр Грозев, молодой директор отделения «Балкантурист» — «Золотые пески».

Что такого затейливого в «Лесном уголке» — огромный вкус его создателей да изобилие березы — основного декоративного мотива этого ресторанчика! А «Кошара» с настоящими овцами, которых по вечерам пригоняют в специальный загончик, со светильниками, обтянутыми кожей, и т. д.

●

В Варне произошла удивительная встреча.

Мы поселились в «Дружбе», пригородном курортном комплексе.

Молочным туманным утром, когда фотокорреспондент Геннадий Копосов с тоской поглядывал на небо и на море (срывалась съемка), наше внимание привлекли пожилые люди — муж и жена, стоявшие, как и мы, у подъезда в нерешительности, в рассуждении, что делать. Собственно, привлек говор седовласой худенькой женщины — чистейший русский.

Мы познакомились. Ее звали Галиной Петровной, его — Иваном Гавриловичем. Это был генерал Иван Винаров.

В 1916 году солдат IX плевенской дивизии Иван Винаров вступает в Болгарскую коммунистическую партию (тогда БРСДП тесных социалистов), пройдет тридцать лет, и он станет командиром этой дивизии. Классический путь — солдат, носящий в ранце маршальский жезл. Но вряд ли думал об этом двадцатилетний подпольщик Иван Винаров. В 1923 году он бежит из тюрьмы, как раз отсюда, из Варны. На лодке через Черное море переправляется в Советский Союз. Но не раз еще возвращается в Болгарию, сопровождая оружие, которое тайно выгружают на пустынном побережье, там, где вырастет в наше время курорт «Солнечный берег».

В 1923 году он вступает в ВКП(б), работает под руководством Павла Берзина, состоит в одной партийной организации с Рихардом Зорге. Много ездит по Европе, бывает в Азии. В Пекине, в посольстве, он встречает Галину Лебедеву — Галину Петровну, которая сидит сейчас с нами рядом.

Затем снова Москва, Военная академия имени Фрунзе, диплом с отличием. В 1936 году — Испания, где он ведет разведывательную работу в тылах немецких и итальянских фашистских войск. Недолгая мирная передышка — преподавание в академии в Москве — и снова война, фронт. В мае 1944 года по заданию Георгия Димитрова группа товарищей, в которую входил И. Винаров, была сброшена в Черногорию, на свободную партизанскую территорию. Из Югославии они двинулись на родину, к границам которой с северо-востока уже шли советские армии.

...Мы листаем семейный альбом с фотографиями. 1927 год, одна из стран Азии. На охоте. Залихватская короткополая шляпа с петушиным пером, двустволка в руках.

— Пожалуйста — коммерсант Винаров!

— Чем же вы тогда торговали?

— Сжатым воздухом...

Иван Гаврилович и Галина Петровна смеются.

1929 год. Владивосток. Ромб в петлице. На гимнастерке — орден Красного Знамени.

— Так вот и жили,— вздыхает Галина Петровна.— Просто как знакомые — разное подданство, разные фамилии. Встречались украдкой. Он в Испании, я в Париже, шифровальщицей. Приезжает на сутки, даже не успеваешь слова друг другу толком сказать...

— Так и мучаюсь с ней вот уже сорок пять лет.— Винаров улыбается и легонько, осторожно обнимает ее за плечи.

●

Мы едем к Шипке.

Шоссе мчится по утренней умытой земле, кажется, оно парит над этими туманными полями — натянуто и привязано к далеким горам, неприступно встающим на горизонте.

Чем выше, тем льдистее воздух. Обрывы заросли густым лесом. Цветет бледный горный шиповник и белая акация. По этой дороге девяносто лет назад шли русские полки. Ехали повозки с артиллерией. Шагали болгарские ополченцы в надвинутых на лоб юнацких шапках, в перевитых ремнями куртках.

...Туманы плывут над дорогой, словно вечно стремящееся, уходящее время.

И стоит памятник на вершине. Неподвластный никаким туманам. Времени неподвластный.

Был обычный день. Раннее утро обычного дня. Мы стояли на безлюдной площадке у памятника, вглядывались в синие, серые, охристые пространства, открывающиеся отсюда с горы. Ту же необъятную панораму видели русские солдаты — те, что были убиты или замерзли здесь. Те, что выстояли, не пропустив врага.

Было пустынно на смотровой площадке. И в этом безлюдье не было ничего странного: обычный день, раннее утро, до городов далеко.

Тут мы посмотрели вниз и обмерли: со всех сторон к нам подступали людские цепи. Потом уж мы рассмотрели далеко внизу десятки автобусов «Родинатуриста», которые все подъезжали и подъезжали. Но в первое мгновение мы увидели только людской поток, катящийся навстречу.

●

И снова придорожные черешни машут нам вслед ветвями, снова слева и справа — поля, сады, виноградники, каменные, с черепичными крышами, чуть-чуть пряничные деревни.

Повсюду — и в Бургасском и в Русенском округе, в Варненском и Силистренском, в Шуменском и в Толбухинском — знаменитой на всю Болгарию своими урожаями Добрудже — мы видим отлично ухоженную землю и все

признаки благосостояния села. В прошлом году средний урожай в стране — 30,5 центнера пшеницы с гектара, а Толбухинский округ со 120 тысяч га получил на круг по 46,3 центнера. Цифры завидные, что и говорить. Сравним их с рекордными результатами — датскими. Дания с площади значительно меньшей — 80 тысяч гектаров — получает меньший урожай — по 40 центнеров. Турция же и Греция, ближайшие соседи Болгарии, ни в какое сравнение не идут!

Мы хорошо знаем болгарских огородников и плодоводов. Их успехи нас бы не удивили, но пшеница... Советский сорт Безостая-1 дает в Болгарии на поливных землях 80 центнеров с гектара, а кое-где и по сто!

Но разговор об урожаях и гектарах все же не дает полного представления о тех событиях, которые разворачиваются сейчас в болгарской деревне.

Нам немало рассказывали о них, но мы хотим сами посмотреть.

●

На северо-западе Болгарии, там, где речка Тимок впадает в широкий, спокойный Дунай, лежит село Брегово. На карте это небольшой кружочек, поставленный где-то в треугольнике между румынской и югославской границами. На самом деле Брегово — сотни и сотни домов, вечерние витрины универмага, неоновая надпись — «Готель-ресторант», прохладный номер, где мы оставили свои вещи. Крепкие рукопожатия еще незнакомых людей, первые имена, которые надо запомнить. Сокмища туч на небе и молнии, освещающие окрестность дневным светом.

Я перебрался в «Москвич» Геннадия Борисова, главного агронома кооператива, и мы поехали в ночь навстречу потокам хлынувшего ливня. Остановка у чьей-то ограды, короткая перебежка под дождем, и мы снова пожимаем руки — Марину Гогову, черноволосому, темнолицему бригадиру, и его отцу — трактористу Ивану Гогову — серебровласому, с таким же, как у сына, густо-коричневым цветом лица и каменными скулами.

Мы сидим за длинным столом в нижней гостевой комнате большого дома, и я — пора бы уж привыкнуть! — поражаюсь тому, как быстро приходит ощущение слитности с этими людьми. Никакого подчеркнутого гостеприимства: мол, приехали иностранцы. Приехали СВОИ. Разговор о деревенских новостях, о том, как поживает Первицкий (Марин Гогов гостил у него в СССР, и Первицкий приезжал сюда, в Брегово). О дожде, о видах на урожай.

...Ранним утром на широкой центральной площади к нам подъезжает «газик», из него выходит Мирон Брезоев.

Гогов и Брезоев, Марин и Мирон, два бригадира, два соперника. Мирона знает вся Болгария. Он Герой Социалистического Труда, о нем написаны многие очерки, а о хозяйственной деятельности его бригады — научные работы. Марин отстает от Мирона, но, как говорится, «дышит ему в затылок». И это, по-моему, очень устраивает Никифора Миролескова, председателя. Теперь я понимаю, почему нас привезли сначала к Гогову. Председатель считает, что без Марина Мирону жилось бы излишне спокойно. А так обе бригады все время в хорошей спортивной форме. Сам Никифор далек от спорта, но отлично понимает, что такое соревнование.

●

Туманятся, серебрятся дали. После дождя парит. Два красных «Беларуся» культивируют кукурузу. Мирон Брезоев показывает нам свои поля. Он сам за рулем, на дорогу почти не глядит, знает каждую выбоину.

Мирон родился в этом селе, отсюда ушел танкистом в армию. Участвовал в восстании 9 сентября 1944 года, вернулся в село трактористом. О его жизни действительно можно написать многое. О том, как они поднимали кооператив. Как была организована одна из первых в Болгарии бригад комплексной механизации. Как строили село. Как возводили памятник погибшим советским солдатам, которые шли от Видина, вдоль Дуная, спешили на освобождение Югославии. Мы были сегодня у памятника — воин склонил голову, свежие розы у ног...

Почему мне вспомнилось это? Ведь мы с Мироном говорим совсем о другом. Экономический разговор на пшеничном поле: зашли по пояс в пшеницу и остановились, как старые знакомые, встретившие случайно друг друга на улице.

Вот главный смысл слов Брезоева, если передать его в нескольких фразах. Научно-техническая революция во всем мире. Рост производительности труда, соревнование экономических систем. Бригады комплексной механизации, такие, как у Мирона,— выход к современному высокоэкономичному сельскому хозяйству: огромные площади земли обрабатывает небольшое число универсалов — специалистов, вооруженных полным набором техники. Прогрессивная оплата труда — механизатор заинтересован не в выполнении норм — их просто не существует,— а в конечном результате, в получении дешевой продукции. Высокие заработки, высокий жизненный уровень. Внедрение новейших достижений науки и научной организации труда.

Все болгарское сельское хозяйство готовится перейти на комплексные бригады. В Толбухинском округе подсчитали — полторы тысячи специалистов смогут заменить 21 тысячу человек, работающих ныне на полях. Освободившиеся руки нужны в виноградарстве, садоводстве. Комплексные бригады за год-два способны удвоить производительность труда.

В сущности, мы говорим о социализме. О той цели, к которой сводится все, что я вижу вокруг. О выявлении преимуществ общественного строя, за который боролся и борется Мирон Брезоев, еще с тех далеких послевоенных лет.

Снова вспоминаю о братской могиле советских солдат на болгарской земле. В сущности, мы говорим о счастье. О том, что жертвы были не напрасны.

●

К нам пришли юноша и девушка — Златка и Кирилл, учительница и секретарь комсомольской организации. Жених и невеста. Мы получили приглашение на свадьбу.

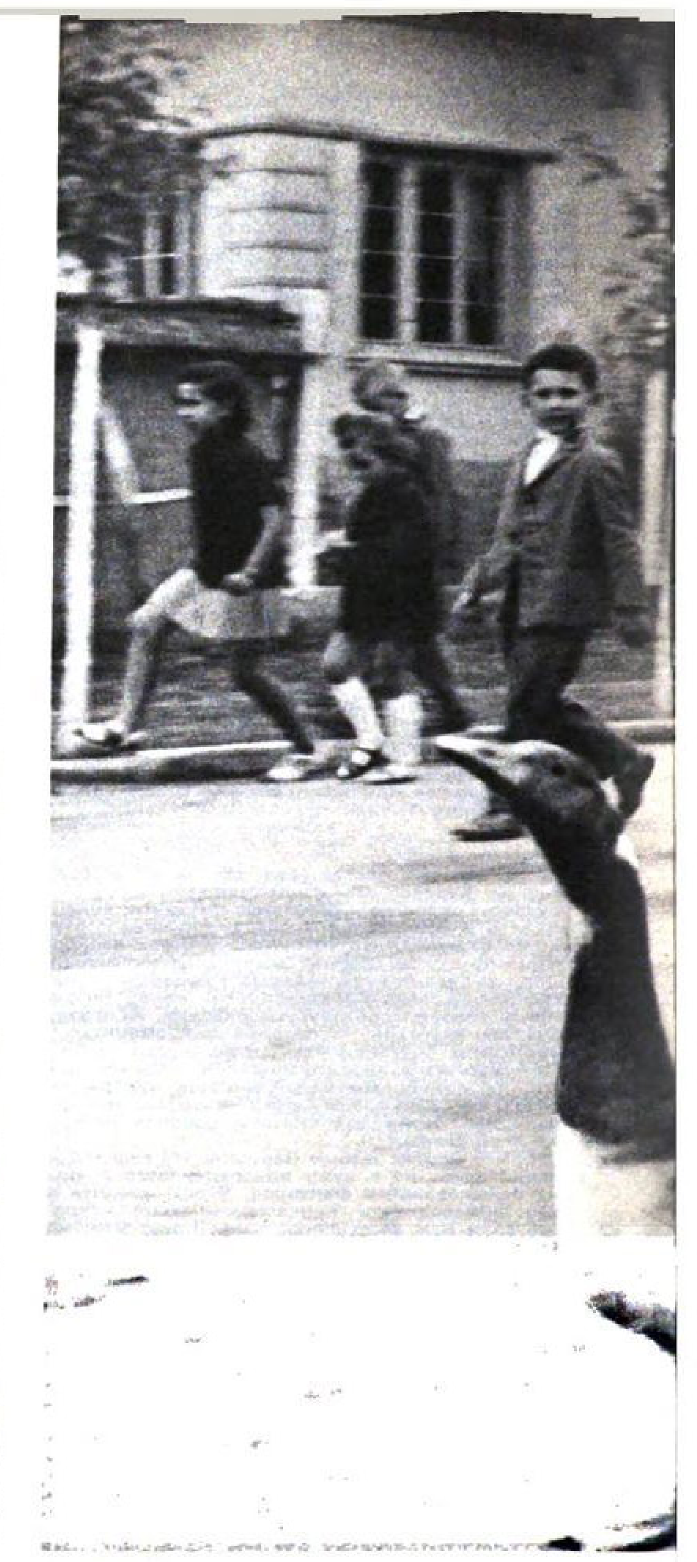
Через все село, извиваясь вдоль улиц, сопровождаемое оркестром, идет хоро́! Танцует молодежь, танцуют старушки и старики, танцует председатель и главный агроном, Мирон Брезоев и Лазар Менцов из Видина, из окружкома партии. Люди выходят из дворов, из автомобилей, торопливо приставляют к заборам велосипеды, размыкают руки танцующих, включаются в общее шествие. Веселый четкий ритм танца, неожиданные повороты — людская лента замыкается на широкой центральной площади села.

Мы крепко сжимаем руки незнакомых людей — хоро́! Хорошо!

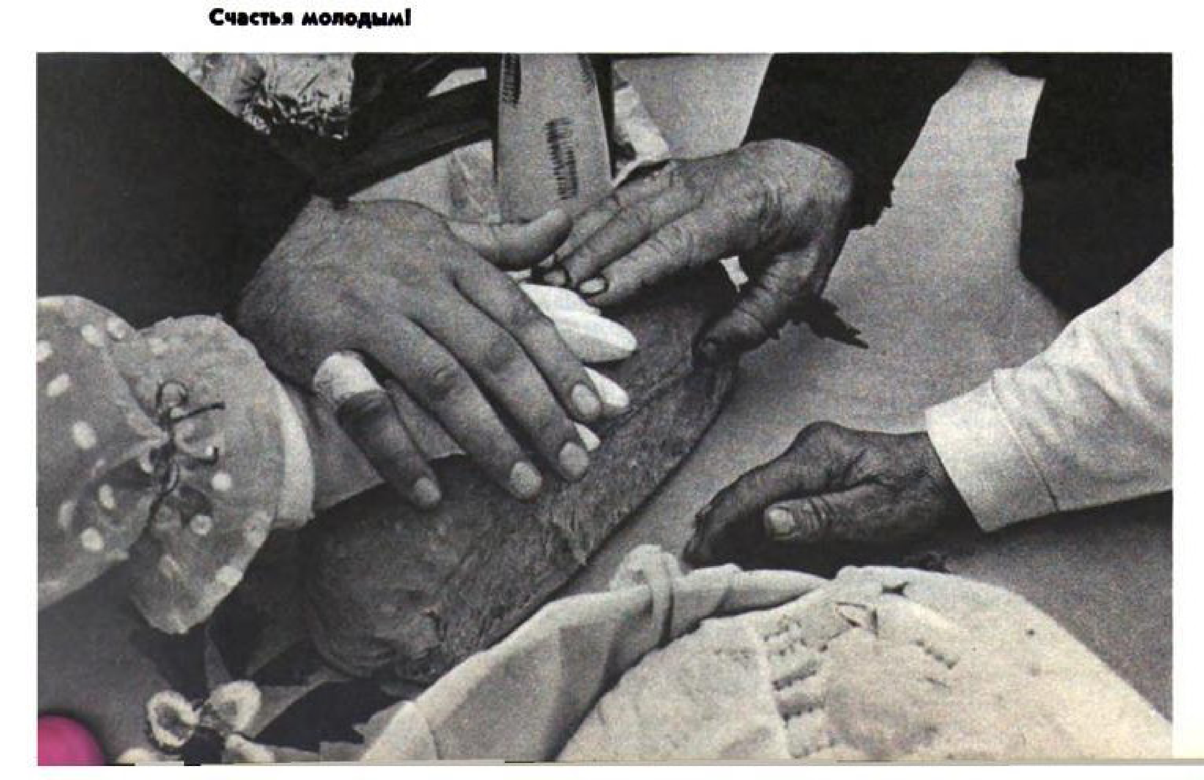
Оркестры играют подряд болгарские и советские песни. «Утро красит нежным светом... У нас еще в запасе четырнадцать минут... Но только ты об этом лучше песню расспроси...» Одна часть площади поет свое, другая — свое.

В общей разноголосице девчушки в белых платьицах — наверное, первоклашки — беззвучно открывают рты.

Когда музыка смолкает на одну или на две секунды, мы слышим слабые детские голоса. Они поют: «Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе!»

Идет хоро́.

Свадьба

Счастья молодым!

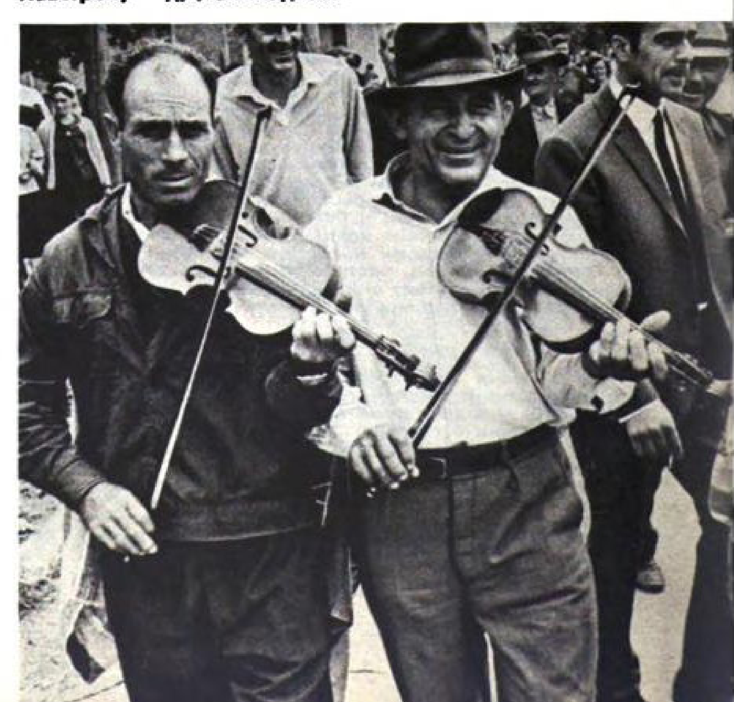

Навстречу — другая свадьба.

Фото специального корреспондента «Огонька» Г. КОПОСОВА.

в Брегово

Златка и Кирилл.

Последние известия...

Юли Минчев. СТРЕМЛЕНИЕ. Линогравюра.

Рядом с Государственным музеем изобразительных искусств имени Пушкина находится маленький особняк, который москвичи называют «Дом Верстовского»— по имени бывшего владельца, известного русского композитора. В нем сейчас располагается отдел гравюры и рисунка музея...

У входа в особняк вас останавливает дежурный и просит обождать, проверяя пропуск. Эта предосторожность не должна никого удивлять, ибо в собрании Гравюрного кабинета (так раньше назывался филиал) рисунки и офорты гениального голландца Рембрандта, серии эстампов неистового испанца Гойи, литографии певца французской революции Домье и многие-многие сотни шедевров мировой графики.

...Мы в одной из комнат особняка. Перед нами огромные папки, где, проложенные тончайшей бумагой, хранятся оригиналы рисунков, гравюры, литографии, офорты болгарских мастеров.

Раскрываем папку, и перед нами предстает яркий, солнечный мир Болгарии, ее леса, горы, море, старинные города, поля, новостройки. Художники воспевают также славное историческое прошлое страны, ее легенды, сказания.

— За последнее время,— рассказывает хранитель отдела Вера Николаевна Шалабаева,— мы приобрели около пятидесяти произведений более двадцати современных болгарских графиков. Сюжеты этих работ очень разнообразны. Они охватывают многие стороны жизни этой замечательной страны.

Интересны поиски многих молодых художников, стремящихся осмыслить проблемы сегодняшнего бытия и сохранить прекрасные традиции древнего болгарского искусства. Главное же, что отличает эти работы,— все они исполнены в плане реалистического пластического мышления, а не модного на Западе абстракционизма.

С некоторыми из листов собрания музея мы знакомим читателей на этом развороте.

Николай КАЛИТА

Мана Парпулова. КРЕСТЬЯНКА ИЗ ФРАКИИ. Литография.

Стремление

Веселин Стайков. СТРОИТЕЛЬСТВО ВОДОХРАНИЛИЩА.
Гравюра на дереве.

Анастасия Панайотова. ДЕВУШКИ.
Литография.

Пенчо Кулеков. ИВАЙЛО У ТЫРНОВА.
Смешанная техника.

Николай АНТОНОВ

Высоты

Юрию Гагарину.

Влекут нас гор вековых громады,
зовет и манит нас небосвод.
Преграды,
что до сих пор не взяты,
волнуют сердце, зовут в поход.

Зовут не бездны,
простор небесный...
Ты, море, гневаться не должно:
судов — известных и неизвестных —
в тебе немало погребено.
Они почили в холодных водах,
на дне
навеки
найдя покой...

Пучина нам предлагает отдых,
высоты властно зовут на бой!
Сверкают молнии и зарницы,
в людских сердцах пробуждая пыл.
И человек братается с птицей,
неважно, что он рожден без крыл!
Мы перекрыли всех птиц полеты,
лишь был бы синий простор кругом!
Высоты!
Прежде всего высоты!
Потом подумаем о другом!

Рождение корабля

Пока он зримой явью станет,
войдет в простор морей и в стих,
он должен плавать в океане
глубоких замыслов людских.
Над ним в уюте кабинетном
мечта созвездие зажжет,
чтоб мог он в море плыть победно
под звездами любых широт,
хребты кипящих волн взрезая,
что в белой пене, как в снегу...
Его потом лишь повторяют
здесь, на земле, на берегу...

Но, подружив с волной морскою,
услышав дальних странствий зов,
корабль лишается покоя
и рвется прочь от берегов!
Простор его зовет и дразнит.
И кто теперь его уймет?!
И что на свете есть прекрасней,
чем эта жажда плыть вперед,
чем эта страсть, перед которой
бессильно отступает страх?

Простора ищет он, простора,
пусть даже встретит смерть в морях!

Перевел с болгарского
Павел ЖЕЛЕЗНОВ.

Лиляна СТЕФАНОВА

Пусть снятся вам звезды

Моим сокурсницам по Литературному институту — участницам Отечественной войны.

Студентки бредили
В кошмарных снах
Фронтами, пережитою войною.
Их стоны,
Их мольбы,
Их давний страх,
Их бормотанье —
Было все со мною.

Измены
И разгромы,
Шум атак,
Слова команд,
Замешанные круто.
Я вместе с ними
Падала во мрак
И, оживая,
Заставала утро.

Какой рассвет!
Какая тишина!
Еще спросонок,
Не избыв дремоты,
Студентки-фронтовички
После сна
Вели себя,
Как после артналета.

В шинельных юбках,
Чуждые цветам,
Не знали снайперы
И санитарки,
Что трудно мне,
Молоденькой болгарке,
Скитаться вместе с ними
По фронтам.

Молчала.
Вспоминала крики, стон
И снова с ними
Уходила в сны я.
Вновь бредили,
Как бредила Россия
Под алым зноем
Боевых знамен.

Но почему теперь,
Когда вокруг
Разгар весны
И вешней благодати,
Уже не на студенческой кровати
Мне снятся сны
Студенческих подруг?

Перевел с болгарского
Василий ФЕДОРОВ.

Фестивальные встречи

Гульжан Тапакова — балерина из Алма-Аты.

Участники танцевального ансамбля.

Фото А. Вочинина.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фестивальные встречи происходят не только на земле Болгарии. Они начались задолго до открытия фестиваля...

Каждую пятницу на голубых экранах телевизоров появлялся черноволосый юноша Любомир Коларов. Он вел телевизионную викторину «Навстречу 9-му Всемирному фестивалю молодежи и студентов».

Идея викторины — познакомить телезрителей с Болгарией, хозяйкой 9-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов, с ее прошлым и настоящим, с той дружбой, которая давно и навсегда объединила наши страны, напомнить о прошлых фестивалях и рассказать о предстоящем.

Викторина, как опытный педагог, одновременно и учила и экзаменовала. Победители этой увлекательной игры должны были получить призы — подарки из Болгарии, а разделившие первое и второе места — поехать на фестиваль в Софию.

— Мне было очень приятно вести эти передачи,— говорит Любомир.— Я болгарин, я очень люблю Советский Союз, Россию. Ее любили мои отец и мать. С детства я мечтал: буду учиться в Московском университете. Так и случилось — в этом году я получил диплом.

Когда я читал приходящие на телецентр письма с ответами на викторину, у меня дыхание захватывало от волнения: как знают и любят мою страну во всех уголках огромного Советского Союза!

Первые два места, дающие право поехать в Софию, завоевали Нина Павлуненко, недавно окончившая десятилетку в городе Шахты, и инженер из Ростова-на-Дону Анатолий Шевченко.

Мы сидим с Ниной и Анатолием, беседуем.

Анатолий рассказывает, что его, как инженера-транспортника, интересует техническая информация, встречи с болгарскими инженерами.

А Нина мечтает познакомиться с архитектурой Софии, еще лучше узнать город и страну, о которой она столько читала. Свое совершеннолетие Нина встречает в Софии, в день открытия фестиваля.

...Восемь минут экранного времени продолжается встреча с молодым рижским кинолюбителем Эдгаром Агриньшем. «Затмение» — так называется фильм, привезенный им в Софию. Страстный, напряженный, мужественный.

Америка и Вьетнам — вот тема фильма. На экране падают бомбы на залитую кровью землю свободолюбивого Вьетнама, а за кадром звучат выстрелы: в Мартина Кинга, в братьев Кеннеди. Затмение. Затмение Америки. «Америка, очнись!» — с гневом и болью говорят авторы фильма.

У картины четыре автора — Эльмир Риекстиньш, Регина Динвиете, Освальд Динвиетис и Эдгар Агриньш.

— В фильме нет ни одного кадра движущейся киносъемки,— рассказывает Эдгар Агриньш.— Весь фильм построен только на документальных фотографиях из советской, зарубежной прессы, из журнала «Америка», из «Огонька». Мы нарочно брали известные всем фотографии. В фильме нет ни одного слова дикторского текста. Хотелось, чтобы зрителю все было ясно и так.

Эдгар, молодой сотрудник рижского конструкторского бюро, страстный кинолюбитель, представляет фильм «Затмение» на фестивале в Софии.

...Он тоже приехал в Болгарию с фестивальным значком. Он — это хлопкоуборочный комбайн Ташкентского завода сельскохозяйственного машиностроения.

В огромном механосборочном цехе митинг. Только что сошла с конвейера новая хлопкоуборочная машина. Необычная машина. На бункере ее расправила белые лепестки фестивальная ромашка, нарисованная цеховым художником Иваном Мареевым.

В разные страны поставляет «Ташсельмаш» свою продукцию: на Кубу и в Алжир, в Марокко, Тунис, Югославию, Турцию, Сирию, Объединенную Арабскую Республику. Отправились машины и в страну — хозяйку 9-го Всемирного.

...Есть в Болгарии Кыржалийский округ. Особенно теплые отношения связывают жителей этого округа с Северной Осетией. Они обмениваются делегациями, шлют друг другу подарки, ведут совместные научные работы.

На фестивале — государственный ансамбль народного танца Северной Осетии.

— Мы привезли программу, раскрывающую все своеобразие осетинского народного танца — от бешеных ритмов джигитовки до плавных, неторопливых танцев моей страны,— рассказывает художественный руководитель ансамбля Давид Иласович Тимиряев.— И, конечно, все 29 участников ансамбля встретятся со зрителями Кыржалийского округа. Будут дружеские беседы, будут концерты.

...Впервые встречаются на фестивале с зарубежным читателем и многие советские книги, рассказывающие об истории комсомола, о подвигах молодежи. «В бурях рожденные» — стопки книг издательства «Прогресс» на английском, испанском языках. В фестивальные дни комсомольцы «Прогресса» бесплатно, во внерабочее время переводят на английский и готовят к изданию еще одну книгу о комсомоле, Владимира Милютенко «К звездам шагают по земле».

* * *

...Фестивальные встречи. Они очень разные. Они закончатся нескоро. Созреет белое золото, придет пора уборки урожая. За руль ташкентского хлопкоуборочного комбайна с ромашкой на бункере сядет незнакомый болгарский хлопкороб. Произойдет еще одна встреча — добрая встреча фестиваля.

ВЕРНОСТЬ

Глава из документальной повести «Верность» принадлежит перу генерал-полковника авиации, заместителя министра народной обороны Народной Республики Болгарии, Героя Советского Союза Захария Захариева. Боевой летчик Захариев принимал деятельное участие в гражданской войне в Испании. Сражался на фронтах Великой Отечественной войны. После освобождения Болгарии от фашистского ига Захарий Захариев — один из создателей молодой болгарской Народной армии.

В повести «Верность» З. Захариев рассказывает о трудной судьбе летчика Горана Златанова, который в дни монархо-фашистского режима остался верен своему народу, неколебимой братской дружбе. Повесть «Верность» в переводе на русский язык выйдет в издательстве Министерства обороны СССР.

Захарий ЗАХАРИЕВ

На аэродроме близ Черноморского побережья, куда перебазировалась эскадрилья Горана Златанова, отсутствовало напряжение.

Этот день был безоблачным и теплым. Небо отражалось в зеленоватой морской воде. На рябящей поверхности моря дробились солнечные стрелы.

Как всегда перед дежурством, Горан наведался к метеорологу бай[1] Стояну. Его интересовала не только погода — ему было приятно поговорить с этим немолодым, умудренным опытом человеком. Бай Стоян был неразговорчив, и Горану иногда казалось, что он изучает его. В этот раз бай Стоян встретил его любезно и сообщил, что по всему бассейну Черного моря погода отличная, как и на аэродроме, но к полудню на высоте две тысячи пятьсот — три тысячи метров образуются мощные шарообразные облака толщиной около пятисот метров.

— Лучше не бывает для маскировки. Ведь мы ожидаем разведывательные самолеты противника? — Горан неосторожно прощупывал метеоролога. Но тот, казалось, не заметил его маневра и равнодушно ответил:

— Вот этого я не знаю.

Может быть, Горан чрезмерно доверялся своей интуиции, но он был уверен, что бай Стоян не может быть врагом. Ему необходим был человек, с которым он мог откровенно говорить, которому мог доверить свои тайны. И он рискнул:

— Мне кажется, что ты все очень хорошо знаешь и тебе не все безразлично.— Горан вышел на балкон, чтобы предоставить возможность метеорологу поразмыслить. Он посмотрел на небо, обещанных облаков не заметил, но на этот раз решил не возражать старику. Проходя к выходу, добавил: — А облака — это хорошо. Они соберутся. Пусть помогут людям...

Направляясь к стоянке, он упрекал себя: все вышло не так, как хотелось. Не может ли подумать бай Стоян, что он провокатор?

После обеда Горан лениво расхаживал по аэродрому. Жара усиливала сонливость. Он высматривал, под каким бы из самолетов вздремнуть. Но в эту минуту с командного пункта взлетела красная ракета. Горан побежал, надел парашют, сел в самолет и начал заводить мотор. Механики не спешили. В последнее время моторы нередко отказывали, участились аварии. Ходили слухи, что кто-то в эскадрилье занимается саботажем. Первым прибыл Тончев. Доложил о готовности машины к вылету.

Сигнал ракеты застал пилота Владимирова неподалеку от столовой. Долговязый, он неуклюже бежал к стоянке. Дали зеленую ракету — сигнал к вылету. Горан поднял свой истребитель. С земли передали приказ: «Стрела-один», «Стрела-один». Говорит «Ураган-два», «Ураган-два». На высоте четыре тысячи метров севернее от нас двухмоторный советский разведывательный самолет. Держит курс на юг. Найти и уничтожить! Ваш курс — двадцать градусов. С немецкого аэродрома раньше вас вылетели два «М-109». Как меня слышите? Ответьте!»

Горан повторил приказ и добавил: «Слышу вас плохо».

Это была неправда, он слышал отлично.

Владимиров догнал его и занял свое место в строю. Горан обозревал воздушное пространство. Впереди белело плотное облако. Горан шел прямо на него. Через две минуты он увидел облако под крыльями самолета, как снежную гору. Поискал глазами Владимирова. Понял, что оторвался, облегченно вздохнул.

В наушниках слышался голос командира эскадрильи: «Стрела-один»! «Стрела-один»! Ваш курс — девяносто градусов. Как меня слышите? Отзовитесь! Как меня слышите, отзовитесь!» И в этот раз голос командира был слышен хорошо. Златанов нанес исправление в курсе, продолжая внимательно наблюдать за воздушным пространством.

Прошли четыре минуты. «Ураган» явно беспокоился. «Стрела-один»! «Стрела-один»!» — слышалось в наушниках. Горан молчал.

Перед вылетом механик Тончев осматривал самолет Златанова с видом обеспокоенным и хмурым. Явно, он был чем-то недоволен. Со злостью сорвал чехол с мотора.

Когда опоздавший Владимиров взлетел, его механик подошел к Тончеву и сквозь зубы процедил:

— Очень уж быстро взлетел твой!

Тончев промолчал.

— Успел что-нибудь сделать? — продолжал коллега Тончева.

— Нет, а ты?

— И я.

Советский разведывательный самолет осмотрел порты румынского побережья и, уйдя от преследования немецких истребителей, направился к Болгарии. Экипаж знал, какие аэродромы используются немецкими истребителями, знал и о дислокации болгарской эскадрильи. Приглушив моторы, легко планируя, он вышел из облаков и прошел над берегом от Бальчика до Варны.

Когда наблюдательные посты береговой противовоздушной обороны заметили самолет, экипаж уже закончил свою работу.

А в это время Златанов слышал голос командира: «Открыть и уничтожить!» Легко сказать, попробуй найти самолет-разведчик в этом необъятном пространстве! Горан летел на высоте пять тысяч метров над морем. Перед ним всплыла необозримая широта — горизонт исчез. Никаких признаков советского самолета.

Горан выжимал максимальную скорость, весь превратившись в слух и зрение. Но вот он заметил советский самолет. К нему направлялись два немецких «мессершмитта». Горан занял удобную для наблюдения и атаки позицию. Внимательно, с интересом следил за советским разведчиком. Уже ясно видны были два мощных мотора, кабина пилота и штурмана. Он различал третью огневую точку — стеклянный фонарь и два пулемета. Мелькнул силуэт человека.

В этот момент один из «мессершмиттов» ринулся в атаку на советский самолет. Горан напряженно следил за происходящим. Штурман крепко сжимал рукоятки обоих пулеметов, но еще не стрелял. Секунды казались вечностью. Штурман оставался неподвижным. В любой момент огненные трассы могут обрушиться на советский самолет. Горан лихорадочно искал решение.

Немец не спешил открывать огонь. Наверное, и он заметил, что советский стрелок убит, и нахально шел на сближение, чтобы в упор расстрелять цель. Но вот случилось неожиданное. Советский самолет встретил «мессершмитт» коротким метким огнем. Застигнутый врасплох, фашистский самолет накренился, задымил и рухнул, как камень.

Златанов облегченно вздохнул. Но по всему было видно, что советский штурман не радовался своей победе. Он искал что-то в кабине. «Кончились патроны»,— подумал Горан.

Златанов заметил, что советский штурман увидел его самолет. Разумеется, он принял его за фашистский: ведь конструкция одна и та же. Он для советского экипажа один из трех немецких самолетов!

Пилот второго немецкого истребителя резко ввел в атаку свой «мессершмитт». Советский самолет сделал боевой разворот. Немец открыл огонь, но трассы пуль прошли справа. В это мгновение немец увидел самолет Горана и, ободренный подоспевшей помощью, с еще большей яростью принялся атаковать. Боль сжала сердце Златанова. «Почему не стреляет? Стреляй!» — крикнул он во весь голос советскому штурману, но, вспомнив о своем предположении, что у того, должно быть, кончились патроны, ринулся в стремительную атаку и точным огнем из четырех пулеметов изрешетил немецкий самолет.

Немец не успел открыть огонь. Его самолет повалился на крыло и пошел вниз. Горан почувствовал, как на лбу выступил холодный пот. Горящий немецкий самолет вызвал у советского экипажа недоумение. «Теперь настало время объясниться»,— решил Горан.

Осторожно приблизившись, он занял параллельный курс с советским самолетом, тем самым давая возможность увидеть болгарские опознавательные знаки. Расстояние между самолетами уменьшилось. Летчики несколько мгновений смотрели друг на друга. Горан начал махать рукой. Он уже забыл, что каждая минута отдаляет его от родного берега, что, израсходовав топливо, он не сможет вернуться обратно.

Советский штурман только сейчас заметил опознавательные знаки — буква Х вместо немецкого креста. Улыбаясь, штурман приветствовал первого болгарского летчика, встреча с которым решила исход боя.

Горан вспомнил о горючем. Каждая минута может быть роковой. Оставляя советский самолет, он в боевом развороте лег на обратный курс и оглянулся, чтобы еще раз увидеть удаляющийся самолет. Совсем близко над собой он неожиданно заметил двух приготовившихся к атаке советских истребителей «ЯК-9». Горан резко снизил обороты мотора и ускользнул в сторону. Пока советские истребители готовились к очередной атаке, Горан спустился вниз и повел самолет на двухсотметровой высоте над морем. Советские самолеты не преследовали его. Они получили приказ возвращаться.

На аэродроме Горана ожидали с тревогой. Большинство летчиков было уверено, что Златанов вернется. Они вглядывались в горизонт, сливающийся с морем, откуда, по их предположению, мог лететь самолет. Но неожиданно для всех он появился не с востока, а с юга. Прошел на большой скорости низко над аэродромом, набрал высоту под большим углом, сделал традиционный переворот через крыло и пошел на посадку. Быстро подрулил к стоянке, где встретил его Тончев. Горан открыл фонарь кабины, несколько повременил, чтобы прийти в себя, и механику показалось, что летчик загадочно улыбается.

Тончев неспроста волновался. Встретил ли Горан советский самолет? Приказ командования или воля его сердца — чувство справедливости — что взяло верх?

Златанов вышел из кабины. Он подал руку механику и сказал, стараясь скрыть свое волнение:

— Спасибо тебе, Тончев, за отличное обслуживание и исправность самолета.

— А оружие? — поспешно спросил Тончев.

— Успел проверить. Работает исправно. Перезарядите ленты.

«Значит, он стрелял?! — встревожился Тончев.— Но его дружеское рукопожатие... Он впервые так открыто посмотрел в глаза. Случилось что-то необычное...»

— Владимиров вернулся? — спросил Горан.

— Нет. Заблудился и приземлился на немецком аэродроме. Каждый момент ожидаем его прибытия.

Златанов промолчал и поспешил к командиру эскадрильи, который уже поджидал его неподалеку от стоянки. Командир был не в духе.

— Господин капитан! Советский разведывательный самолет не обнаружен,— отрапортовал Златанов.

— Где пропадали?! Почему не поддерживали связь? Я в течение целого часа возился с вами! — еле сдерживая гнев, раздраженно говорил командир.

— Искал самолет противника, господин капитан. Что касается радиосвязи, вначале слышал вас весьма слабо, а потом связь совсем нарушилась.

— Вы встретили немецкие самолеты? — уже более спокойно спросил капитан.

— Нет.

— Немцы потеряли две машины...

— Возможно,— коротко ответил Златанов.

Перевела с болгарского
Л. МИХАЛКОВА.

[1] Бай — уважительно к старшему по возрасту (прим. пер.).

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

Залы Национальной художественной галереи Болгарии. Превосходные картины Дечко Узунова, яркая сказочная живопись Цанко Лавренова, жанр Златю Бояджиева, патриотические сюжеты Стояна Венева.

...Владимир Димитров-Майстора родился в кюстендильском селе и за малым исключением провел всю свою жизнь в плодотворной, цветущей Кюстендильской долине. Его картины — сама жизнь, яркая, бьющая через край, залитая солнечным светом. В искусстве этого мастера возродились лучшие традиции болгарской старины.

На нашей цветной вкладке напечатана его «Селянка»...

— Моя картина «Семья рабочего» автобиографична,— рассказывает художник Ненко Балканский, с которым мы познакомились в Софии.— Я родился в семье чернорабочего и рано узнал нужду и голод. Поэтому раздумья молодой семьи, сидящей у пустой тарелки, были мне очень близки и знакомы. Но я не жалею, что в молодости узнал, почем фунт лиха, ибо позже, в трудные минуты, эта закалка всегда меня выручала... Я рано полюбил живопись и стал писать. Очень помогли репродукции с картин русских художников. Они сыграли большую роль в формировании моего сознания. Искусство должно быть идейным, боевым, а не аморфным или, что еще хуже, искусством для искусства. Я думаю, что эту мысль лучше меня выразил Христо Ботев, который писал: «Необходимо, чтобы и наука, и литература, и поэзия, и журналистика — словом, вся духовная деятельность... сообразовалась с жизнью, стремлениями и потребностями народа так, чтобы не было науки для науки, искусства для искусства...»

Златю Бояджиев.
ПАСТУХИ СЕЛА БРЕЗОВО.

Цанко Лавренов.
СТАРЫЙ ПЛОВДИВ.

Ненко Балкански. СЕМЬЯ РАБОЧЕГО.

КЛАССИКА И ПОЗИЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Н. МИХАЙЛОВ

В советской печати уже были публикации, посвященные выходу в свет девятитомного собрания сочинений И. А. Бунина. Не оставляет сомнений тот факт, что подготовка и выпуск сочинений И. Бунина представляют собой важное событие. Редакционная коллегия, в которую входили профессор А. Мясников, литературовед Б. Рюриков и А. Твардовский, вместе с издательством «Художественная литература» проделали большую работу. Впервые читатель получил столь полное и тщательно подготовленное собрание произведений писателя, имя которого занимает важное место в отечественной и мировой литературе. Известно, что И. Бунину были свойственны крайняя противоречивость в творчестве и непонимание многих крупных исторических процессов, что в конечном счете привело его в болото антисоветизма. То, что собрание сочинений этого писателя издано в нашей стране тиражом более чем 200 тысяч экземпляров,— одно из доказательств широты социалистической культуры, стремления сохранить все, что представляет художественную ценность. Сам по себе этот факт — хорошая аргументация против тех крикунов, которые пытаются в ложном свете представить культурную жизнь в Советской стране.

Но издание сочинений И. Бунина, на наш взгляд, дает и почву для размышлений.

Читатели обратили внимание, что в IX томе сочинений опубликованы воспоминания писателя об А. Толстом, названные «Третий Толстой». Появились письма, в которых говорится о том, что воспоминания носят тенденциозный, субъективистский характер; некоторые читатели находили в них определенный отпечаток антисоветизма. В газетах были опубликованы статьи, подвергшие критике как отбор произведений, так и некоторые комментарии к ним.

Все это стало предметом обсуждения в Комитете по печати при Совете Министров СССР.

Комитет рекомендовал обсудить вопрос в коллективе издательства «Художественная литература» и поставить об этом в известность Союз писателей СССР. Как видим, здесь не было никакого намека на «завинчивание гаек», о чем так много и фальшиво пишут теперь на Западе.

В апреле 1968 года в издательстве была проведена дискуссия. С сообщением выступала заведующая редакцией русской классической литературы Н. Акопова. В обсуждении приняли участие тт. А. Мясников и А. Твардовский.

Во время дискуссии высказывались разные точки зрения: одни считали, что публиковать статью «Третий Толстой» не следовало, другие, наоборот, говорили, что доброе имя А. Н. Толстого от такой публикации не пострадает.

Все выступавшие в конечном итоге сошлись на том, что отбор материала для собрания сочинений следовало провести более тщательно, в частности не следовало публиковать воспоминания «Третий Толстой». Многие участники дискуссии подвергали серьезной критике комментарии к этим воспоминаниям.

Директор издательства «Художественная литература» В. Косолапов говорил о том, что оценка жизни А. Толстого в эмиграции была показана Буниным неправдиво. Вот, например, что писал об этом периоде своей жизни сам А. Толстой:

«Жизнь в эмиграции была самым тяжелым периодом моей жизни. Там я понял, что значит быть парием, человеком, оторванным от родины, невесомым, бесплодным, не нужным никому, ни при каких обстоятельствах...

Осенью 1921 года я перекочевал в Берлин и вошел в сменовеховскую группу «Накануне». Этим сразу же порвались все связи с писателями-эмигрантами. Бывшие друзья «надели по мне траур». В 1922 году весной в Берлин приехал из Советской России Алексей Максимович Пешков, и между нами установились дружеские отношения...

Весной 1922 года в ответ на проклятия, сыпавшиеся из Парижа, я опубликовал «Письмо Чайковскому» (перепечатанное в «Известиях») и уехал с семьей в Советскую Россию...

«Письмо Чайковскому», продиктованное любовью к родине и желанием отдать свои силы родине и ее строительству, было моим паспортом...»

Это письмо А. Толстого категорически расходится с утверждениями И. Бунина, который отказывает А. Толстому в чувствах любви к своей родной земле, к своей Отчизне.

Исследователи творчества А. Толстого и И. Бунина знают, что воспоминания «Третий Толстой» были опубликованы в полном виде в США, в эмигрантской, откровенно антисоветской газете «Новое русское слово».

Говорилось и о том, что, мол, некоторые факты, приведенные в записках И. Бунина, относятся к числу выдумок, «розыгрышей», на которые А. Толстой был большой мастер. Однако в этих записках видны не «розыгрыши», а откровенно враждебные, злопыхательские высказывания И. Бунина, к тому же основанные на извращении фактов. Смешно и неуместно «обогащать» советское литературоведение за счет таких опусов.

Собранию сочинений И. Бунина предпослана статья А. Твардовского. Автор предисловия очень правильно ставит вопрос о том, как следовало бы подходить к отбору материала из литературного наследия И. Бунина.

А. Твардовский писал:

«Однако всему есть предел. Бунинские писания, подобные его дневникам 1917—1919 годов «Окаянные дни», где язык искусства, взыскательный реализм, правдивость и достоинство литературного изъяснения просто покидают художника, оставляя в нем лишь иссушающую злобу «его превосходительства, почетного члена императорской Академии наук», застигнутого бурями революции и терпящего от них порядочные бытовые неудобства и лишения,— эти писания мы решительно отвергаем».

Справедливости ради следует сказать, что А. Твардовский не видел ничего предосудительного в публикации записок И. Бунина об А. Толстом.

Факт обсуждения некоторых материалов из собрания сочинений И. Бунина представляется принципиально важным и существенным с точки зрения советского литературоведения, предостерегает от ошибок при подготовке других избранных произведений или собраний сочинений.

Следует отметить, что в этом большом государственном деле проявляются порой безответственность и идейная незрелость. Готовится, например, новое издание собрания сочинений А. П. Чехова. В одном из проектов предполагалось дать и те письма А. П. Чехова, которые носят лишь сугубо частный характер, даже в самой отдаленной степени не относящийся к творчеству великого писателя.

Комитет по печати при полной поддержке Института мировой литературы и издательства «Наука» высказал правильное предложение: вести составление нового собрания сочинений А. П. Чехова на подлинно научной основе, обязательно учитывая прижизненные издания писателя.

Уже писалось и говорилось о постановке пьесы А. П. Чехова «Три сестры» в Театре на Малой Бронной. Ряд изданий подверг этот спектакль, поданный «по-новому», резкой и справедливой критике. Пожалуй, лучшим доказательством справедливости такого взгляда может служить то, что некоторые зарубежные журналисты выражают свои соболезнования режиссеру А. Эфросу, пытаясь доказать этим фактом, что в СССР, дескать, идет «завинчивание гаек». Думается, что такие соболезнования доказывают правильность критики этого спектакля в советской печати. Режиссеру, очевидно, стоит подумать, почему за рубежом так пекутся о его неудачной работе.

Возможно, что еще одно положение этих заметок покажется спорным, однако мы решаемся его высказать. Речь идет об экранизации «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, величайшего из романов мировой литературы. О фильме уже опубликовано немало рецензий. Заметим лишь, что трудно найти даже в положительных рецензиях удовлетворение тем, как изображены в фильме, иначе говоря, как перенесены из романа Л. Н. Толстого на экран, образы Вронского и Левина.

Рецензенты сходятся на том, что Вронского, отвечающего замыслу великого художника, в картине нет. Обеднен и образ Левина, которому писатель отводил значительное и особое место в своем произведении.

Спросим теперь: как бы отнеслись читатели, получив роман «Анна Каренина» или с измененным до неузнаваемости образом Вронского, или вовсе без Вронского и Левина? Скажут: такое невозможно. Но, оказывается, в некоторых случаях это возможно.

Какой это наносит урон художественной, духовной жизни людей, особенно молодежи,— об этом стоит подумать.

В июне этого года у нас проводились пушкинские дни. И. Андроников рассказывал мне, что в село Михайловское на праздник в честь великого поэта пришло более 130 тысяч человек,— заметим, что пришли они без пригласительных билетов. Так ценит и чтит народ своих любимых писателей. Возникает законный вопрос: стоит ли нам так беспечно относиться к величайшим духовным ценностям народа? В искусстве кино у нас есть такие высокохудожественные фильмы, как «Чапаев», «Молодая гвардия», «Война и мир», «Железный поток». Их пример говорит о том, что сила книги не только не ослабевает, но значительно возрастает, если ее содержание, ее образы умело переносятся на экран.

Дух безответственности проникает и в другие произведения, которые берут на себя роль дать оценку явлениям в современной советской литературе.

Совсем недавно в магазине книги на проспекте Калинина мы слышали разговор читателей о творчестве Сергея Есенина.

— В последние годы,— говорил один из них,— произведения Есенина опубликованы тиражом более одного миллиона экземпляров. И все-таки книги его стихотворений найти очень трудно.

Пожалуй, нет необходимости говорить здесь о том, какой любовью окружено имя этого поэта в нашей стране и за рубежом.

Приведенный здесь частный эпи-

зод можно дополнить данными социологического обследования в 20 книжных магазинах Москвы. По этим данным, зарегистрировано 80 тысяч заявок на стихи С. Есенина — это наибольшая цифра среди заявок на поэтические книжки.

Тем большую горечь испытываешь от книги П. Юшина «Поэзия Сергея Есенина 1910—1923 годов». На наш взгляд, правильные замечания об этой книге содержались в статье В. Вдовина «Документы следует анализировать», опубликованной в журнале «Вопросы литературы» № 7 за прошлый год. А между тем книга, о которой здесь идет речь, была выпущена Издательством Московского университета по постановлению редакционно-издательского совета.

Без должной требовательности составлен сборник «Есенин и русская поэзия», выпущенный ленинградским отделением издательства «Наука». Тот факт, что титульный лист книги украшен ссылкой на Институт русской литературы (Пушкинский дом Академии наук СССР), дает основание отнестись к ней с еще большей требовательностью. Между тем, по-своему трактуя появление знаменитого «Письма к женщине», сборник принижает величие и прелесть этого стихотворения.

В «Литературной газете» справедливой критике была подвергнута опубликованная в журнале «Байкал» работа о творчестве Ю. Олеши. Следует отметить одну деталь. При публикации журналом глав из книги указывалось, что полностью эта работа выходит в издательстве «Искусство». Однако директор издательства Е. И. Савостьянов нам сообщил, что рукопись об Ю. Олеше была отвергнута издательством еще год назад. По мнению издательства, автор с неправильных позиций рассматривает вопрос об отношении государства к художнику; произведения Ю. Олеши оцениваются необъективно, их идейная направленность искажена. Что же касается проходящих через всю рукопись исторических аналогий, то они носят ненаучный характер и не имеют ничего общего с марксизмом.

Публикации в журнале «Байкал» было предпослано краткое вступление К. И. Чуковского,— к сожалению, он давал ошибочную оценку этой работе об Ю. Олеше.

Советское литературоведение за последние годы проделало большую исследовательскую работу. Вместе с этим необходимо отметить, что многие актуальные проблемы, связанные с классической и современной литературой, остаются вне поля зрения соответствующих научных институтов, редакций литературоведческих изданий. Не стоит замалчивать и того, что иногда вместо темы боевой, необходимой исследователь избирает тему как будто бы и важную, но безобидную, никого не затрагивающую. И, к сожалению, не всегда даже авторитетный научный коллектив поддерживает авторов, стремящихся к очень сложным, по-настоящему боевым темам.

Нам представляется, что Институт мировой литературы имени А. М. Горького совместно с Союзом советских писателей должны бы обсудить эти, на наш взгляд, существенные для развития советской литературы проблемы.

ОГНЕННАЯ

Николай АСАНОВ Повесть Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

3.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

«23 февраля на Украине наши войска, продолжая наступление, заняли города СУМЫ, АХТЫРКА, ЛЕБЕДИН...
В Курской области наши войска после упорного боя заняли город и железнодорожную станцию МАЛОАРХАНГЕЛЬСК».

Совинформбюро.
23 февраля 1943 года.

Подводная лодка должна была выйти с базы Северного морского флота ночью.

Весь этот последний день Толубеев и Кристианс просидели взаперти вдвоем в комнате отдыха у командующего флотом. Обед, а потом и ужин подавал молчаливый повар командующего, в комнате не задерживался, «гостей» не рассматривал, возможно, уже привык к неожиданным посетителям.

Кристианс и Толубеев разговаривали. Точнее, говорил полковник, а Толубеев изредка задавал вопросы...

— Разведчик, как минер, ошибается только один раз! — спокойно говорил Кристианс.— Но у вас есть дополнительные условия, которые, надеемся, помогут вам. Вы хорошо знаете страну, людей, город, в котором вам придется работать. Хотя немцы и чувствуют себя полными хозяевами этой маленькой страны, но сопротивление там растет с каждым годом. И участвуют в нем не только крестьяне и рабочие, но и интеллигенция, и духовенство, и даже предприниматели. У самих квислинговцев в их разбойничьей семейке не все ладно. Надежды на быстрое установление «нового порядка» во всей Европе улетучиваются, возникает ощущение, что их, возможно, еще будут судить за государственную измену. И

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

многие из них пытаются обезопасить себя хотя бы тем, что они, мол, не были жестоки, то есть такой-то лично и такой-то именно... К тому же немцы не могут установить посты на каждом из двух тысяч километров морской границы Норвегии, солдаты им нужны для боев с советскими войсками на севере, где они за все время войны не могли сделать вперед и шага. Да и рыба Норвегии им тоже нужна, и работающие рудники, и заводы с их военной продукцией, и они время от времени вынуждены идти на уступки норвежским предпринимателям. Да вот, например, второго августа сорок первого года они объявили чрезвычайное положение во всей Норвегии... Норвежцы ответили молчаливым саботажем. Десятого сентября немцы ввели чрезвычайное положение в Осло и казнили группу патриотов. В ответ епископы лютеранской церкви заявили о сложении с себя сана в знак протеста против казней и жестокого обращения оккупантов с местными жителями... В прошлом году произошли волнения в городке Телевог, в декабре прошлого года такие же волнения в районе Арендаля и Блекке-фиорда, и немцам пришлось посылать свои войска на помощь квислинговцам. В январе этого года во всех церквах был прочитан протест против зверств квислинговцев, и немцам пришлось снять чрезвычайное положение, введенное снова незадолго до этого...

— Смогут ли наши друзья достать мне какие-нибудь документы, или мне придется жить скрытно? — спросил Толубеев.

— Документы для вас приготовят, а насколько свободно вы сможете передвигаться по стране, зависит от того, каких покровителей вы найдете. Во всяком случае, ваши бывшие друзья до сих пор пользуются большим весом...

— Их еще надо разыскать... — задумчиво выговорил Толубеев.

Но рассказы Кристианса как бы приблизили к нему страну. Он еще не очень узнавал свою Норвегию, родину рыбаков и рудокопов, лесорубов и мореплавателей, да и не сорвешь с нее дыма войны, чтобы пристальнее разглядеть это милое лицо. И лицо

ДУГА

ее может быть так искажено страданиями, что его и не узнаешь...

— А как же выйдет в море тот человек, который меня встретит? — спросил он.

— Немцы были вынуждены разрешить рыболовство, иначе им нечем было бы кормить три миллиона человек, да и самим им тоже нужна рыба... Но они обязали общины круговой порукой и объявили всех жителей заложниками на случай бегства какой-нибудь команды судна из страны. Следят за рыбаками и квислинговские уполномоченные. Однако некоторая свобода передвижения в прибрежных районах осталась. Вас встретит владелец маленького суденышка Август Ранссон. У него есть лицензия на право лова рыбы в прибрежных водах...

Поздно вечером Кристианс проводил молодого офицера в порт. Он предупредил, что подводная лодка будет передвигаться только по ночам, и займет этот путь трое суток. Толубеев должен был заняться языком, изучением своей «легенды» о пребывании в немецком лагере военнопленных, картой, на которой был отмечен его «путь» от лагеря до рыбацкого поселка Альтен на берегу залива Бохус. Кристианс особенно настаивал на твердом знании имен рыбаков, их быта: по «легенде» значилось, что бывший военнопленный, майор Толубеев, прожил в этом маленьком поселке у рыбака Иверсена несколько дней...

В бумагах, переданных полковником Кристиансом Толубееву, были подробные описания поселка, семьи Иверсена, его лодки, на которой вывезли Толубеева, и майор невольно подумал о том, какой же бесстрашный человек этот рыбак. Ведь «легенда» должна была опираться на факты, на подлинные имена. А что, если гестапо захватит беглеца и «выбьет» из него эти факты? Да и квислинговская полиция давно уже сотрудничает с немцами, а стоит немцам узнать имя рыбака, и он будет немедленно казнен. Кристианс говорил, что норвежцы часто помогают бежавшим из лагерей советским военнопленным, а немцам это нож в горло! Всех схваченных ими участников Сопротивления они убивают так же просто, как и пойманных беглецов...

И Толубеев дал себе слово пользоваться «легендой» только у друзей. Если же квислинговская или немецкая полиция заинтересуется им, ограничиться первой половиной «легенды» о пребывании в лагере и побеге, — никогда он не назовет героев Сопротивления, которых встретит здесь...

И все-таки после этих разговоров он почувствовал воздух страны, снова ощутил себя другом маленького смелого народа мореходов и открывателей, предки которых лет за пятьсот до Колумба добрались до Америки и назвали ее «Виноградной страной»...

Днем лодка отлеживалась на грунте. Как ни трудно было дышать перегретым воздухом, Толубеев терпеливо занимался норвежским языком или, улегшись с закрытыми глазами на предоставленной ему койке механика, повторял про себя «легенду». Еще хорошо, что ему не переменили ни фамилию, ни факты его биографии. Он должен был обращаться к своим прежним друзьям именно как инженер Толубеев, который был в их стране, работал плечо к плечу и с которыми его разлучила только война.

С наступлением темноты лодка всплывала. К Толубееву являлся помощник командира и приглашал наверх. По-видимому, Кристианс предупредил помощника, что пассажир лодки только что из госпиталя, что переход для него будет труден. Толубеев надевал тяжелое кожаное пальто с капюшоном, шапку-ушанку, карабкался по узкой лесенке в горловине люка и выбирался наверх. Море было на удивление спокойным, и можно было часами стоять на палубе и дышать свежим воздухом.

Он однажды с удивлением услышал слова помощника командира, обращенные к кому-то:

— А ведь заказал-таки полковник погоду! Загляденье!

Толубеев удивленно спросил:

— Как это «заказал погоду»?

— Целую декаду запрашивал наших синоптиков: когда будет приличная погода? И дождался!

— Но для чего?

— Завтра мы проходим через Скагеррак в залив Бохус на рандеву... А при ветре это очень опасно!

Последнюю ночь лодка шла под перископом. Толубеев попросился из любопытства в командирскую рубку и с удивлением увидел далекие огни берега. Ему, отвыкшему за годы войны от ночного света, видение это показалось удивительным.

Но тут шефствовавший над новичком помощник командира попросил его приготовиться к высадке. Толубеев вернулся в свою каюту.

Он переоделся согласно инструкции: две пары шерстяного белья, брезентовые брюки грубошерстный свитер, куртка-штормовка, вязаный берет. В брезентовом рюкзаке, который он взял с собой, были тот, еще московский, костюм, белье и сорочки: все эти вещи были сделаны в Норвегии и имели метки норвежских портных. Туда же он сунул обе бритвы.

Бумаги и книги он упаковал в заранее приготовленный резиновый мешок и передал их на хранение помощнику командира. Тот придирчиво оглядел его, подвел к зеркалу:

— Бледность вполне приличная. Худоба тоже. Сразу видно, что вы побывали в немецком лагере...

Послышался тихий шум продуваемых цистерн. Лодка всплывала. Помощник командира крепко обнял Толубеева и поцеловал его. Сказал почему-то шепотом:

— Ну, ни пуха ни пера...

— К черту, к черту... — пробормотал растроганный Толубеев.

Что-то резко стукнуло по борту подводной лодки, затем послышалось мягкое шуршание. Помощник командира сказал:

— Пора!

Толубеев выбрался из люка. В опасной темноте, пробитой только гвоздиками звезд, из которых самыми яркими были Полярная и созвездие Большой Медведицы, все слышалось шуршание дерева по металлу. Толубеева взяли за руку и подвели к навесному штормтрапу с веревочными ступенями. Прямо под собой он увидел, скорее даже почувствовал, палубу рыбачьего суденышка, елозившего кранцами из отработавших автомобильных шин по металлу. Снизу к нему протянулись другие руки, и он отдался в их власть.

Его осторожно поставили на шаткую палубу. Звякнул железный наконечник шеста, и рыбачье суденышко медленно отодвинулось от металлического борта. И сразу зарокотал судовой мотор, а все, что связывало еще Толубеева с родиной, — тень человека над морем, тень корпуса лодки, тени надстроек — все стало проваливаться в глубину и как-то мгновенно растаяло. В это время Толубеева подтолкнули осторожно вперед, колыхнулась дверь каюты, ударил в лицо яркий, как показалось Толубееву, свет, и он оказался в тесном закутке с подвесными койками, со столом. Перед ним стоял человек, протягивавший руку, и Толубеев услышал впервые за три года норвежские слова:

— Шкипер рыбацкого яла «Маргит». Меня зовут Рон Иверсен.

Толубеев покачнулся не столько от волны, бросившей суденышко, сколько от неожиданности. «Легенду» он помнил назубок, но никогда не мог представить себе, что порой легенды становятся былью.

— Рад встретиться с вами! — сказал он по-норвежски.

Рон Иверсен подозрительно взглянул на него:

— Вы ожидали увидеть другого человека?

Темное, продубленное ветром и солью лицо его напряглось, сильные руки уцепились за борт подвесной койки так, словно он собирался сорвать ее с места. Толубеев осторожно ответил:

— Мне назвали ваше имя, но сказали, что я увижу вас уже в Норвегии, в Альтене.

— А! — Рыбак вздохнул полной грудью, помолчал. — Вас должен был встречать Август Ранссон, но три дня назад его суденышко обстреляли с немецкого сторожевика. Сейчас Ранссон в больнице. Наш радист принял сообщение об этом несчастье. Но Скрытая Дорога должна существовать, хотя кондукторов иногда и убивают. Иначе немцы и в самом деле возомнят себя хозяевами Норвегии!

— Скрытая Дорога?

— Так в нашем Сопротивлении называют путь, по которому перебрасывают заподозренных бойцов и бежавших советских и английских военнопленных в нейтральные страны. Поэтому я здесь.

Он оглядел своего пассажира, цеплявшегося за стенку, сказал другим тоном:

— Садитесь, пожалуйста! Я вижу, вы очень устали.

Толубеев сполз по качающейся стенке на рундук, облегченно вздохнул и огляделся. В низкой каютке было тепло. На откидном столике, в деревянных гнездах-углублениях стояли откупоренная бутылка и два стакана. В рамке, окаймлявшей стол, позванивали, переползая от качки с места на место, тарелки с рыбой, горкой масла и белым пышным хлебом, какого Толубеев нигде, кроме Норвегии, не ел.

Рон Иверсен помог ему освободиться от брезентовой куртки. Коснувшись нечаянно его плеча, огорченно сказал:

— А вы и верно, как из лагеря. Мне пришлось повидать ваших людей, бежавших оттуда. На нашей станции Скрытой Дороги провалов не было, мы многих перебросили в Швецию и в Исландию. В Швеции их, правда, интернируют, но немцам как будто не выдают. А теперь, после Сталинграда, шведам вообще придется подумать о политике... Уж слишком они были почтительны к немцам!

— Значит, после Сталинграда? — не удержался Толубеев. Как ни говори, но ведь отблеск этой победы падал и на него!

— Да! — твердо ответил Рон Иверсен.— А вы тоже были под Сталинградом?

— К сожалению, нет. Я был ранен под Ленинградом.

— О, это тоже город — скала! — восхищенно подхватил Иверсен.— Если бы не наши квислинги, и мы могли бы показать немцам в апреле сорокового, что норвежцы не трусы!

— Вы уже доказали это! — твердо сказал Толубеев. Он понимал, что значит быть участником Сопротивления в оккупированной стране.

— Благодарю! — растроганно отозвался Рон Иверсен.— А то, что вы так отощали, даже к лучшему! — Он улыбнулся.— Теперь даже девушки жаждут подвигов. Они вас живо откормят!

Хотя шутка была грубовата, Толубеев принял ее весело. Она обещала удачу. А удача была ему так нужна!

На корме тихо рокотал мотор. Качка постепенно уменьшалась. Иверсен прислушался к ударам волн, бивших в левую скулу суденышка, удовлетворенно сказал:

— Заходим в залив. Прошу к столу.

Толубеев выпил полстакана крепкой жидкости, пахнущей самогонкой, закрепил перекладинкой тарелку с рыбой и принялся за ужин, больше похожий на завтрак. На его часах, еще с вечера переведенных на европейское время, было три.

Иверсен тоже выпил добрый глоток и пошел к выходу. Остановился на ступеньках у люка, предупредил:

— Я сменю помощника, пусть позавтракает вместе с вами. Парень пошел в такой рейс впервые, ему важно поглядеть на вас. Не опасайтесь, это мой сын. Его зовут Оле.

Тотчас же в люк скользнул помощник. Ему было от силы шестнадцать. Толубеева удивила было его молодость, но он тут же вспомнил, что в советских партизанских отрядах были тысячи таких же юношей, и на душе сразу стало легче.

Оле нерешительно поздоровался. Толубеев ответил по-норвежски. Парень вдруг просиял. Оба сразу развеселились, дружелюбно поглядывая друг на друга. Пить Оле не стал, но ел с удовольствием. Объяснил:

— Не знаем, когда вернемся домой. Не знаем, когда высадим вас. Отец приказал: есть, чтобы хватило на завтра.

— На сегодня? — поправил Толубеев, показывая на часы.

— И на сегодня и на завтра,— спокойно ответил парень.— Немцы днем ловят рыбаков. Будем прятаться в шхерах. Огня нет, стука нет. Лодка мертвая. Может, потопленная.

— Потопленная? А как же вы?

— Ну, не совсем.— Парень улыбнулся.— Немножко потопленная. Мы в камнях. Там есть пещеры. А лодка тут, на виду, немножко мертвая.

— А я? Тоже немножко мертвый? — пошутил Толубеев.

— Зачем — вы? Вас ждут на берегу. А мы спрячемся. От немцев. Завтра ночью вернемся.

Толубеев смотрел на румяное, еще почти по-детски розовое лицо парня, на его уже крепкие руки, широкие плечи и думал про себя, что он не имеет права не сделать того, чего от него ждут. Ждут там, на Родине. Ждут здесь, на лодке. Вероятно, ждут и те, кто его будет встречать на берегу.

Глава вторая: И ДА ПОМОЖЕТ ВАМ БОГ...

1.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ

1 МАРТА

«На днях войска Северо-Западного фронта перешли в наступление против Демянской группы войск противника. За восемь дней боев наши войска освободили 302 населенных пункта, в том числе город ДЕМЯНСК и районные центры ЛЫЧКОВО, ЗАЛУЧЬЕ».

Совинформбюро.

1 марта 1943 года.

В четыре часа утра Рон Иверсен позвал Толубеева на палубу и указал на слабый луч света, рождавшийся где-то в прибрежных скалах. Сам он стоял у штурвала, мягко маневрируя судном. Но вот судно стало строго по световому лучу и замерло. На мгновение вспыхнул сигнальный огонь на клотике и погас.

К борту подвалила небольшая прогулочная лодка. Иверсен передал в чьи-то руки рюкзак Толубеева, сбросил в лодку штормтрап и обнял Толубеева за плечи. Голос у него стал хриплый, тихий:

— Да будет с вами удача, и да поможет вам бог...

— И народ! — твердо ответил Толубеев и спустился в качающуюся лодку. Лодка бесшумно пошла к берегу, а суденышко «Маргит» растаяло в темноте. Только тут Толубеев спохватился, что не попрощался с Оле, сыном шкипера.

«Ничего, все встречи еще в будущем! Я обещаю сегодня и себе и этим хорошим людям, что сделаю все, как надо! А если я это сделаю, то я смогу увидеть всех этих людей в более доброе и светлое время...»

Лодка шла бесшумно, и Толубеев видел лишь силуэт гребца перед собой на первой банке, а оглянувшись — силуэт пригнувшегося кормчего позади. Но тут лодка прошуршала по песку, гребцы выскочили в ледяную воду, один из них, ни слова не говоря, подошел вдоль лодки к Толубееву и поднял его на руки. Второй взял мешок.

Тот, что нес на руках Толубеева, удивленно сказал:

— Да он же легче пуховой перины!

Несший мешок Толубеева сухо заметил:

— А ты думаешь, что немцы откармливают своих пленных, как дядюшка Диомед свинью перед рождеством? Они их сначала морят, а потом добивают.

Вода перестала плескаться под ногами, носильщики шли уже по песку, но дюжий человек, несший Толубеева, не спускал его с рук. «Боятся оставить лишние следы»,— подумал Толубеев. Он хотел было сказать, что понимает язык, но носильщики замолчали: дорога шла в гору.

Они прошли мимо каких-то строений. Толубеев увидел приткнувшуюся у стены автомашину. В машине, очевидно, услышали шаги, потому что в ней вспыхнул свет, открылась задняя дверца. Дюжий носильщик протолкнул Толубеева головой вперед в машину, там чьи-то руки помогли ему сесть. Потом к ногам упал мешок с вещами, оба носильщика в один голос сказали:

— Добрый путь!

Тот, что нес Толубеева, тихо добавил:

— Он очень истощен!

Шофер молча включил мотор, погасил внутренний свет в машине, и она мягко тронулась сначала по гравию, потом вышла на шоссе и ринулась на восток, навстречу чуть светлеющей полосе неба. «Если бы я верил в предзнаменования,— подумал Толубеев,— я бы считал, что все предвещает удачу! Но я не верю в приметы, значит, должен строить удачу сам!»

Он спокойно сидел в углу машины, иногда при поворотах и виражах чувствуя плечо соседа. Но так как и шофер и сосед молчали, он не считал возможным начинать разговор.

Шоссе было пустынно, да и весь этот край казался пустынным. Толубеев попытался представить карту Норвегии. Да, на этом побережье залива оживленно только во время курортного сезона. Значит, его везут подальше от побережья, в срединную зону. Конечно, это далеко от Осло, где он должен начать свою работу, но, очевидно, ему пока что дадут прийти в себя. Ведь для них он беглец из плена. А дальше будет видно.

Они ехали не меньше часа, стало уже светать, когда машина резко свернула с шоссе, проскочила гаревую дорожку между кустами можжевельника, затем настежь открытые ворота, которые тут же за машиной и закрылись, подошла к темному зданию и затормозила.

Шофер обернулся к Толубееву, спросил по-английски:

— Можете ли вы идти сами, или вам нужна помощь?

— Да, могу! Благодарю вас! — ответил Толубеев и открыл дверцу машины.

Но шофер, худощавый молодой человек, уже вышел и помог ему. Взяв под руку, он повел его к лестнице.

Небольшая усадьба, в которой он очутился, показалась ему довольно запущенной. По-видимому, зимой тут никто не жил. Хотя камин и горел жарким пламенем, пар от дыхания был явственно виден. Но в следующей комнате, куда его провели через большой холл с камином, топилась круглая широкая печь и было даже жарко. Через открытую дверцу виднелись крупные куски антрацита, затянутые синим огнем. Здесь стояли деревянная кровать, покрытая по местному обычаю периной, небольшой письменный стол, заваленный газетами на норвежском и немецком языках, гардероб, в который второй провожатый уже раскладывал содержимое толубеевского мешка, два кресла и, перед кроватью, маленький столик, уставленный какими-то лекарствами.

Второй провожатый, закончив выкладывать вещи из рюкзака, коротко сказал тоже по-английски:

— Переоденьтесь!

Шофер вышел куда-то, а второй провожатый, пожилой, очень крепкий и мускулистый, наклонившись к печке, принялся деловито заталкивать туда рюкзак. Толубеев послушно снял брезентовую робу, надел штатские брюки и пиджак. Второй провожатый одобрительно оглядел его, взял рыбацкий костюм Толубеева и тоже принялся запихивать в печку. Когда одежда вспыхнула, он тщательно перемешал угли. Толубеев заметил, что он предварительно срезал с рюкзака и с одежды все металлические пряжки и пуговицы.

«Ничего не скажешь, люди с опытом!» — уважительно подумал он, глядя, как снова разгорается пламя в открытой печи.

— Сейчас вам дадут поесть! — все так же по-английски сказал второй. Первый, ведший машину, очевидно, занимался ею. За окном послышалось рычание прогреваемого мотора.

Они ни разу не спросили, говорит ли он по-норвежски, как будто нарочно избегали этого вопроса. Впрочем, может быть, им лучше будет сказать при необходимости, что человек, которого они видели, говорил по-английски? Тогда можно утверждать, что это был английский летчик. Англичане теперь часто бомбят секретные заводы немцев и морские базы на побережье Северной Норвегии, и, естественно, их порой сбивают, а летчики после вынужденной посадки стремятся пробраться в нейтральную Швецию. Помочь английскому летчику не так уж опасно!

Второй мужчина еще раз перемешал угли в печи, поставил кочергу в угол, поднялся, поклонился, коротко сказал:

— Мы еще увидимся!

И вышел.

Толубеев благодарно посмотрел ему вслед, запоминая широкие плечи, мощные бицепсы, перекатывавшиеся под рукавами легкой куртки, длинные, сильные ноги, седую шевелюру. Этому человеку было не меньше пятидесяти, и тем не менее он рисковал! Второй был моложе, ему и рисковать было легче.

Рокот машины утих вдали.

Послышался легкий стук в дверь. Толубеев ответил:

— Войдите!

Вошла горничная в наколке, в маленьком передничке, в высоких рабочих башмаках, неся поднос на вытянутых руках. В комнате сразу запахло жареным мясом и свежим кофе. Она прошла к столу у кровати, осторожно сдвинула одной рукой пузырьки на край и поставила поднос.

— Пожалуйста! — тихо пригласила она, повернулась к гостю, делая легкий книксен, вдруг вздрогнула, чуть слышно проговорила: — Не может быть! Вы? Вольёдя!

Только по этому протяжному, не по-русски звучащему милому «Вольёдя» Толубеев и узнал Виту. Во всем остальном она была похожа на молоденькую вышколенную горничную, каких можно встретить в любой барской усадьбе. Но теперь, когда она с трудом держалась на ногах, она была такой же, как в самый последний день в Осло, когда было совершенно ясно, что он вот-вот навсегда исчезнет из ее жизни.

А она все шептала, как шепчут: «О боже! О боже! О боже!», — такое же тихое и сокровенное, только ей принадлежащее: «Вольёдя! Вольёдя! Вольёдя!», — пока наконец он не пересилил свою слабость, пока не сделал два шага до своего потерянного счастья, пока не ощутил на своих губах ее горькие слезы... И только тогда она поверила в то, что перед нею действительно он, исчезнувший так давно, нечаемый, неожидаемый, невозможный, потому что в этом страшном мире больше ни во что нельзя было верить, кроме разлуки.

Ибо весь мир был разлучен, ибо весь мир страдал, ибо весь мир сражался...

И, отрываясь от нее на мгновение, он также самозабвенно шептал выстраданное, отстоявшееся в мучениях ее имя: «Вита! Вита! Вита!» — как говорил бы, вероятно, «Жизнь! Жизнь! Жизнь!» — пусть это мгновение жизни было бы короче одного вздоха. Да и было ли у них будущее? Если тогда, когда на них, подобно божьему грому, упала любовь, он был всего-навсего посланцем чужого мира, похожим для Виты и окружающих ее людей на марсианина, столь далека была для них Страна Советов, то сейчас он оказался рядом с нею изгоем, беглецом, преследуемым, за которым гонятся все страсти и страхи... И она действительно вспомнила об этом его состоянии, потому что руки ее вдруг охватили его голову, прижали к груди, словно она пыталась спрятать его от враждебного мира, спасти от напастей, его ожидавших, как ни слабы были ее силы.

Они сели рядом прямо на кровати, потому что не было ничего другого, где можно было бы сидеть обнявшись, чтобы чувствовать себя слитно, и только тут она спросила:

— Так это о тебе шла речь? Боже, как я счастлива!

— Значит, ты тоже участвуешь в Сопротивлении?

— Как видишь! — Она засмеялась, потом сказала: — Прости, я сейчас! — выскользнула из его рук и побежала из комнаты.

— Куда же ты! — воскликнул он, и она задержалась в дверях, шепнула громко, чтобы он услышал:

— Долой эту конспирацию! Я должна переодеться. Сегодня мой праздник!

Он растерянно огляделся. Громко гудела печь. За светло-зелеными шторами явственно приближался рассвет. Все предметы в комнате мирно стояли на местах, ничего не было от сновидения в этом неожиданном сне. Но он все еще не верил своим ощущениям, он все еще боялся, что вот-вот проснется и окажется, что он по-прежнему лежит в госпитале, привязанный на ночь к койке, чтобы не перевернулся во сне на изрезанный живот, — тогда, в те тяжелые ночи, только и могли сниться такие необыкновенные сны...

На глаза ему попал принесенный Витой поднос и на подносе — серебряный кувшинчик, длинноногий бокал возле него. Он налил дрожащими руками темный напиток в бокал, поднес к лицу, понюхал: коньяк. Вита здесь! Она принимает участие в движении Сопротивления! Какое это счастье, что он встретил именно Виту!

Он коротко всхлипнул и не понял, смех ли это или рыдание, потому что был близок и к тому и к другому. Встал с постели, подошел к зеркалу, чтобы увидеть себя глазами Виты.

Худое, истощенное лицо глянуло на него. Худые, бледные до желтизны щеки. Запавшие виски с посеребренными волосами. Да сколько же тебе лет, товарищ Толубеев? Как смогла узнать тебя Вита? Разве что по глазам? Говорят, что глаза никогда не меняются. Но он-то знает, что в те годы, когда он впервые увидел Виту, у него были телячьи глаза, восторженные, уставленные в одну точку — на ее лицо. А теперь у него глаза измученного болью человека, может быть, даже мудрые глаза, а может быть, просто страдающие или ожидающие нового приступа боли. И Вита узнала его!

Он еще дивился этому чуду узнавания, когда распахнулась дверь и снова вошла Вита.

Теперь это была именно она. Такая, какой была т о г д а.

— Я очень изменилась? — с беспокойством спросила она, глядя в его лицо.

— А я?

Она уловила страдание на его лице, быстро подошла и положила руки на его плечи, чуть отстранившись, чтобы видеть его глаза. Сказала тихо:

— Ты — да. Но это — война! Я могу только воображать, что ты перенес за это время, но, наверно, никогда не сумею понять по-настоящему. Ты имеешь право быть старше возраста, но я должна быть вечно юной, иначе ты перестанешь меня любить.

Он улыбнулся — уж слишком по-детски прозвучало все это, — но ведь ей и всего-то двадцать три! А он, если считать эти годы войны один хоть за три — что, в сущности, мало! — стал старше на шесть-семь лет.

— Но откуда здесь этот наряд? — спросил он, разглядывая ее.

— Завтра я должна быть в городе. Не могу же я поехать туда в роли служанки?

— Как? Уже завтра? — Он не сумел скрыть своего огорчения.

Она радостно засмеялась:

— Вот теперь я вижу, что ты все-таки помнишь меня! — Она остереглась произнести «любишь» и только приблизила глаза к его глазам, словно пыталась заглянуть в душу.

— Люблю! Люблю! — охотно подтвердил он.

— Почему же ты не поцеловал меня? — смущенно спросила она.

— Но ведь «завтра» еще не началось для нас! Ты же еще побудешь со мной?

— Да, да! Спрашивай, я вижу, что тебе надо о многом спросить!

— Чья это усадьба?

— Одного из наших друзей.

— Кто эти люди, что помогли мне и привезли сюда?

— Наши друзья.

— Местная полиция не интересуется усадьбой?

— В местной полиции есть наши друзья.

— Могут ли твои друзья помочь мне перебраться в Осло?

— Пока тебе не следует делать этого. Все, что тебе понадобится, я привезу сама.

— А если мне понадобится встретиться с кем-нибудь?

Она задумалась.

— Я спрошу об этом, когда тебе понадобится встреча.

Он осторожно сказал:

— Я понимаю тебя и твоих друзей. Они пошли на крупный риск, помогая советскому военнопленному. Но ведь я солдат. И никто не освобождал меня от воинской присяги. Если я оказался на свободе, я обязан бороться.

— Ты обвесишься гранатами и нападешь на немецкую казарму?

— Есть много способов борьбы, — задумчиво сказал он. — Вот почему мне нужно

поблагодарить твоих друзей за помощь и как можно скорее исчезнуть.

— Ты только что встретил меня и уже хочешь исчезнуть? — жалобно воскликнула она.

— Что ты, Вита! — Он сжал ее с такой силой, какой давно уже не чувствовал в себе. — Я только не хочу доставлять неприятности твоим друзьям. Но если мне удастся устроиться в Осло, разве мы не будем ближе друг к другу? Ведь ты не можешь надолго покидать дом, отца?

— Отец знает, где я, — гордо сказала она.

Толубеев вспомнил чопорного промышленника, в друзьях которого числились министры и сенаторы, которого с удовольствием принимал король, и тихо улыбнулся. А теперь ему приходится мириться с новыми друзьями Виты. Удивительно меняет людей жизнь!

— Все! — решительно сказал он. — Ты меня убедила! Я подчиняюсь тебе и твоим друзьям и принимаю их помощь и твою!

Она вдруг с отчаянием воскликнула:

— О, твой ужин! Он же остыл совсем! И ванна! Ванна!

Выбежала из комнаты и скоро вернулась с серебряной спиртовкой. Взяла со стола спички, зажгла спиртовку и поставила что-то разогревать. В комнате запахло вкусной едой, и Толубеев шагнул к столу.

Продолжение следует.

Николай Гяуров.

Потомки Орфея

Райна Кабаиванска

«БОЛГАРИЯ — СТРАНА ПЕВЦОВ!» ЭТО ТАК ЖЕ ВЕРНО, КАК «БОЛГАРИЯ — СТРАНА РОЗ».

Любен ШЕКЕРДЖИЕВ

Живет в Болгарии легенда о древних Родопских горах, родине Орфея. И поныне народ славит певца, который своей волшебной музыкой обвораживал весь мир. Родопы дали Болгарии многих певцов. Хрустальным воздухом этих гор дышал и знаменитый потомок Орфея — Николай Гяуров.

...Это произошло во дворце Шайо в Париже. Тогда воспитанник Московской консерватории Николай Гяуров и стажер Большого театра Димитр Узунов завоевали: первый — «Гран-при», а второй — Первую премию одного из международных конкурсов. Тогда-то, как полагают, и родились крылатые слова о Болгарии — стране певцов.

На сцене миланского «Ла Скала» в одном из спектаклей «Бориса Годунова» приняли участие сразу три болгарина: Борис Христов — один из самых больших певцов нашего века, Николай Гяуров и Димитр Узунов. В этом храме итальянской оперной славы отлично дебютировали Никола Николов и Райна Кабаиванска... Катя Попова очаровала парижскую публику в Гранд-опера, а Гяуров и Николов — слушателей Лондона в Ковент-Гардене... В чикагской Лирик-опера болгарский режиссер Петр Щербанов поставил «Бориса Годунова» с участием Гяурова и Милена Паунова. В филадельфийской «Академи оф мюзик» в спектакле «Дон Карлос» появились Гяуров, Райна Кабаиванска и Николай Гюзелев.

А в это время новые и новые болгарские певцы и музыкальные коллективы становились лауреатами международных фестивалей, завоевывали премии, выходили победителями на конкурсах и блестяще приобщались к большой международной музыкальной жизни.

Государственные народные ансамбли Софии и Благоевграда обошли десятки стран Европы, Азии, Америки и Африки. Детский хор радио получил международное признание на гастролях в Швейцарии, Японии и Англии. Прославленный мужской хор «Гусла» гастролировал во Франции, Швейцарии, Японии, СССР, Польше.

На певческом конкурсе в Дебрецене самые высокие премии завоевали певческое общество Пловдива и хор Шумена «Родни звуци». Юлия Винер выступила с огромным успехом в «Реквиеме» Верди в Праге. М. Николова восхитила мексиканскую публику своей «Тоской». Сенсацию вызвали народные певцы из села Плана, Софийского округа, которые завоевали золотые медали на фольклорном фестивале в Англии. Александрина Милчева завоевала Большой приз на конкурсе в Тулузе. Эвелина Стоицева отличилась на Московском конкурсе имени П. И. Чайковского, заняв второе место. Третий год подряд традиционный фестиваль в Ланголен (Уэльс) становится триумфом для болгарских коллективов. Там победителями вышли хоровые коллективы «Христина Морфова» и «Кавал»; в следующее лето — хор из города Русе «Родина», а потом — академический хор имени Георгия Димитрова. Отмечая небывалый успех болгарского певческого искусства, газета «Вестерн тайм» озаглавила свою статью так: «Не останавливайся, Болгария, сделай это опять!» В итальянском городе Ареццо хор «Средец», выступивший четырьмя составами на полифоническом конкурсе для любителей, завоевал четыре первые премии.

...Тысячи концертов и спектаклей, миллионы слушателей и телезрителей, несчетное количество граммофонных, магнитофонных и видеозаписей. Так, за последние десять лет Болгария превратилась в «великую певческую силу», в «страну певцов и артистов». Эти слова не принадлежат болгарам.

Почему же это произошло?

Знаменитый баритон Танкреди Пазеро говорит, что болгарское певческое искусство следует традициям итальянского бельканто. Некоторые чешские специалисты утверждают, что во всем этом отчетливо проявляется школа певицы Христины Морфовой. Французский профессор Викар указывает, что «голосопроизводство» — явление совершенно естественное, что болгарам вообще присуще владение голосом. Находятся специалисты, которые видят причину успехов болгарских певцов в чистом воздухе и хорошем климате Болгарии. Другие устанавливают прямую родственную связь с Орфеем. Роберт Шептон так писал в газете «Нью-Йорк пост»: «По легенде, Орфей родился в Болгарии. Теперь мы поняли, что не легендарные, а настоящие потомки Орфея продолжают петь там».

Мы считаем, что главная причина — десятки тысяч певческих самодеятельных коллективов, ставящих оперы и оперетты, народные и профессиональные хоры и ансамбли, музыкальные школы и училища, консерватория, Музыкальный театр и пять государственных оперных театров. Вот откуда идут молодые болгарские голоса!

И еще народная песня. Она помогла болгарину перенести муки и страдания, беспросветную тьму пятивекового османского ига. В ней выражалось его национальное достоинство. Потому болгарин и любит так песни, потому и поет их. «Они — наше духовное праотечество»,— часто говорит академик Петко Стайнов.

В Институте музыки Академии наук Болгарии хранится столько записей народных песен, сколько слов в болгарском языке. На каждое слово по песне! Не этим ли и объясняется, почему Болгария — страна певцов?

Кадр из фильма «Отклонение».

Героини Невены Кокановой

Однажды на экзамены в Софийский театральный институт пришла девушка с дипломом... бухгалтера банковского учета. Может быть, эта далекая от искусства специальность вызвала недоверие экзаменаторов, может быть, излишнее волнение сковало голос и движения девушки, но способностей у Невены Кокановой тогда не обнаружили. Казалось, рушится взлелеянная ею с детства мечта о театре. Но тут помог случай. В драматической труппе маленького провинциального городка некому было играть Джульетту, выбор режиссера пал на Невену; ее взяли на договор. С тех пор театр и кино — смысл и содержание ее жизни.

Заслуженная артистка Народной Республики Болгарии Коканова играет в Софийском театре сатиры. Однако в кино все роли ее глубоко драматичны, судьбы ее героинь всегда сложны. Разносторонность дарования артистки подметил кинорежиссер Янко Янков, и маленькая роль в фильме «Годы любви» стала началом кинематографической карьеры Кокановой.

На V Международном кинофестивале в Москве высокую оценку получил болгарский кинофильм «Отклонение» (режиссеры Г. Островский и Т. Стоянов); здесь Невена исполняет как бы две роли. Первая Неда — легкомысленная молоденькая студентка. На спор она кружит голову Бояну — одному из «принципиальных женоненавистников», и... оба они, оказывается, проходят мимо большого счастья, которого потом так и не смогли найти.

Вторую Неду мы видим через двадцать лет. Это серьезный ученый, мать семейства... И вдруг встреча с Бояном. Но теперь уж поздно! Моральный долг берет верх над вспыхнувшим вновь чувством героини...

А вот другая героиня — Ли фильма «Похититель перси (режиссер Выл Радев).

...Конец импе алистической ны. Скучающая городке Тырн Лиза — жена во ного комендан города. В перс вый сад, окру жающий дом Лизы, забрался пленный поруч сербской армии Иво. Дрогнуло злостью сердце женщины. Мол я болгарка полюбила Иво п нно и страстно. И вот она уже та пожертвовать всем для люб на побег с лю м. Но пуля дата, охраня его персиковый сад, сражает , идущего на свидание с Лизо

В маленьк немногословной роли врача в льме «Самая длинная ночь» (иссер Выло Радев) артистке уд сь мимикой, выражением огр ных грустных глаз сказать о с хе за человека, о неколебимой отовности выручить раненого чика, оказавшегося в ту ночь в езде, где полным-полно гитлер цев, фашистов, предателей...

«Арома миндаля» — тринадцатый по с ту фильм Невены Кокановой — азался счастливым уже потому, го в нем она работала вместе мужем — режиссером Любоми м Шарланджиевым. Героиня кановой Герда и в этом фильме понимает, что к чувствам нельзя тноситься легко; они ранимы, по й смертельно.

Все оли Невены Кокановой — одной з самых популярных киноактри сегодняшней Болгарии — пока вают многогранную натуру женщины. Показывают с самых разн х — иногда очень неожиданных торон. Показывают мужество и не ность, твердость и бесстраши любви, что, по утверждению Ко новой, есть главное в назначени женщины на земле.

Н. ЗЫБИНА

Старейшина

Моей встрече с Лазаром Добричем, старейшиной болгарского цирка, народным артистом Болгарии, который принимает участие в гастролях цирка «София» в Москве, предшествовало небольшое, поистине «цирковое» приключение. Разыскивая артиста, я шла за кулисами, и вдруг таблица: «Осторожно! Львы!..» Вовремя остановило меня это предостережение. Иначе наверняка бы не пришлось мне увидеть ни великолепный пластический этюд гимнастов Христо и Вески Кафтанских, ни забавных клоунов Коко и Кики, ни даже этих самых львов!..

И все-таки интервью состоялось. Навстречу мне поднимается седовласый статный человек. Я прошу Лазара Добрича рассказать о себе, о работе с начинающими акробатами.

— Впервые я побывал в Москве еще в 1899 году. Да, да, в конце девятнадцатого века!.. Тогда я выступал в составе румынской труппы. Гастролировали мы также в Петербурге и Киеве. Ну, а теперь я езжу в СССР очень часто. И каждый раз с большим удовольствием! Радость встреч с советскими людьми делят со мной и мои ученики. Их у меня очень много. Они гастролируют в США, Дании, Польше и других странах мира. С ученицами труднее: девушки очень быстро выходят замуж; приходится набирать новую группу и начинать все сначала,— смеется Добрич.

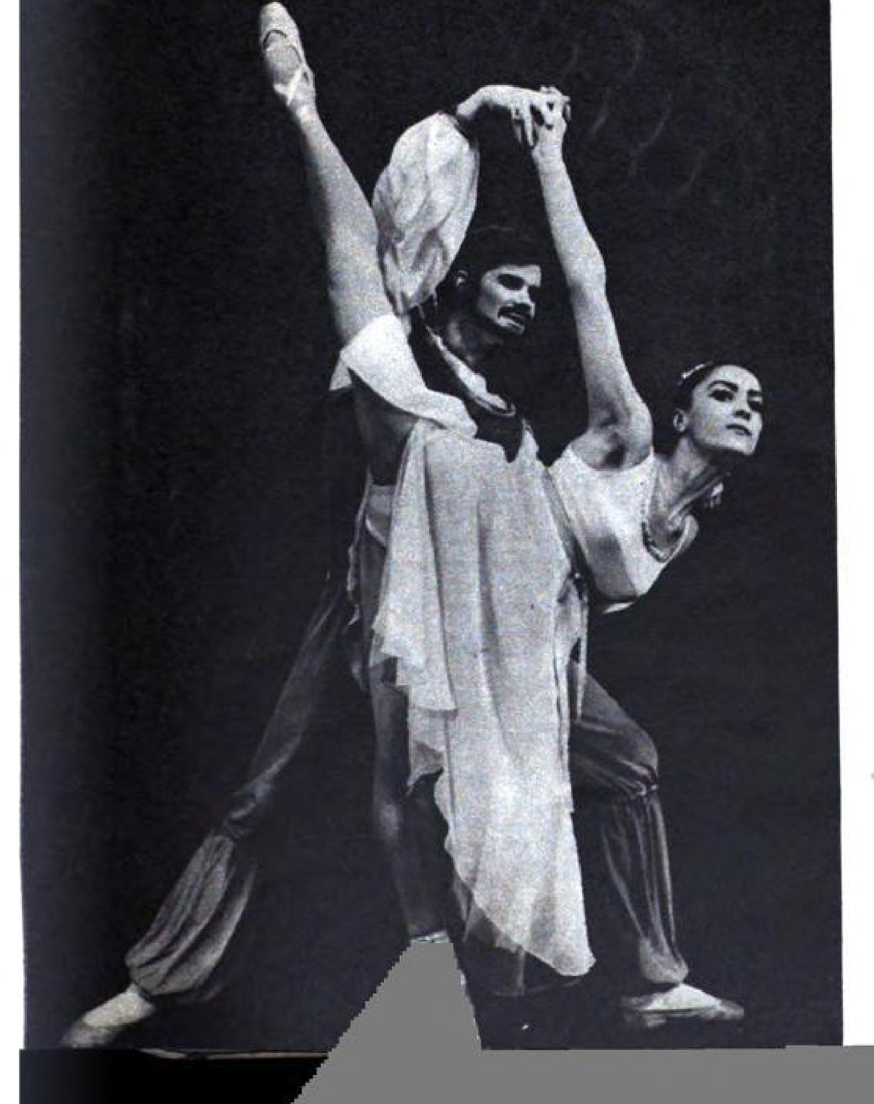
Прощаясь со старейшиной, я задаю ему традиционный вопрос: [illegible] вы мнения о московских зрителях?

— Советские зрите[illegible] мире! — искренне отвечает артист.— Мы очень любим вашу страну! Наши сердца всегда распахиваются навстречу словам: Советский Союз...

Т. ПОЛУШИНА

Фото Я. Халипа.

Музыкальное лето Варны

В июле Варна становится своеобразной балетной столицей мира. Именно сюда, в солнечный город на берегу Черного моря, съезжаются молодые балетные артисты Советского Союза, Венгрии, Румынии, Англии, Дании, США, Аргентины, Чили и многих других стран. Здесь — Международный конкурс балетного искусства. Молодые таланты отстаивают право на почетное и высокое звание лауреата четвертого международного конкурса артистов балета.

Можно позавидовать варненцам, свидетелям восхождения новых звезд балета на чудесном празднике искусства!

Этот балетный конкурс — только часть большого феерического праздника — международного музыкального фестиваля «Варненское лето-68», который начался в конце июня. На нем представлены выдающиеся творческие коллективы и артисты. Среди них симфонический оркестр Московской филармонии, софийский камерный оркестр, болгарская хоровая капелла имени С. Обретенова. Группа солистов Большого театра СССР принимает участие в спектакле Варненской оперы «Князь Игорь», в концертах...

Да, хорошее, жаркое ныне в Варне музыкальное лето!

М. НОВИЧ

г. Варна.

Балет «Корсар» на сцене Варненской народной оперы.

●

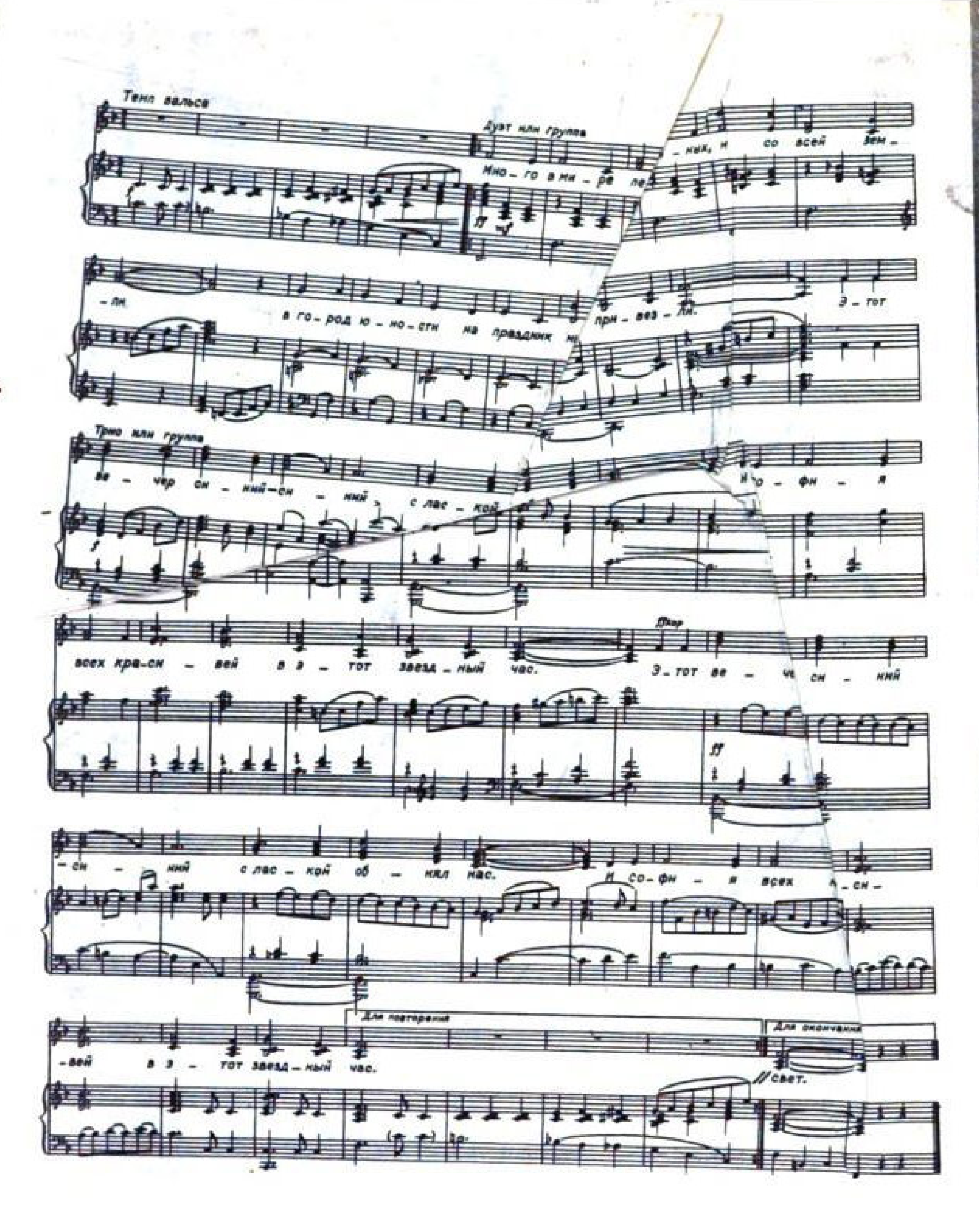
Поют турмачки... Поют так, как пели деды и прадеды в незапамятные времена. Хор состоит из восьми женщин, принадлежащих к одному роду. В их старинных песнях звучит стихийная сила и мощь, их искусство волнует, берет за сердце.

Сельский хор побывал во многих странах мира.

О. ВЕЛИЧКОВА

Фото П. Щерева.

Вальс молодых

Слова Н. ЗИДАРОВА.

Русский текст В. ТАТАРИНОВА.

Музыка Т. ПОПОВА.

Много в мире песен разных,
И со всей Земли
В город юности на праздник
Мы их привезли.
Этот вечер синий-синий
С лаской обнял нас.
И София всех красивей
В этот звездный час.

Чтобы песни не стихали,
Бились, как прибой,
Добрый город фестиваля
Вторит нам с тобой.
Этот город дорог всем нам,
Всем он стал родным.
От беды спасем мы Землю,
Счастье сохраним.

Дело мира — наше дело!
К солнцу путь открыт.
И везде на свете белом
Юность победит.
Пусть оставят эти встречи
В сердце яркий след.
Вечно светит, греет вечно
Дружбы нашей свет.

Поют болгарские девушки.

Фото Г. Копосова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Наука о словарном составе языка. 7. Певучесть, мелодичность музыки. 8. Английский естествоиспытатель. 10. Город в Чили. 12. Русский писатель. 14. Химический элемент. 16. Басня И. А. Крылова. 18. Курорт в Алтайском крае. 21. Промысловая морская рыба. 23. Польский танец. 24. Окрашенное вещество в тканях организма. 25. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». 27. Гречневая крупа. 28. Печатная машина малого формата. 29. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии.

По вертикали:

1. Материал для строительства дорог. 2. Работник учреждения связи. 3. Растение семейства бобовых. 5. Гармоничность движений. 6. Причал. 9. Животное семейства дельфиновых. 11. Композитор, автор оперы «Дубровский». 13. Часть радиоустановки. 15. Советский авиаконструктор. 16. Река в Свердловской области. 17. Деталь колеса. 19. Провансальский странствующий поэт и певец. 20. Птица отряда гусиных. 22. Подбор пьес, исполняемых в театре. 25. Духовой инструмент. 26. Порт в Казахстане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

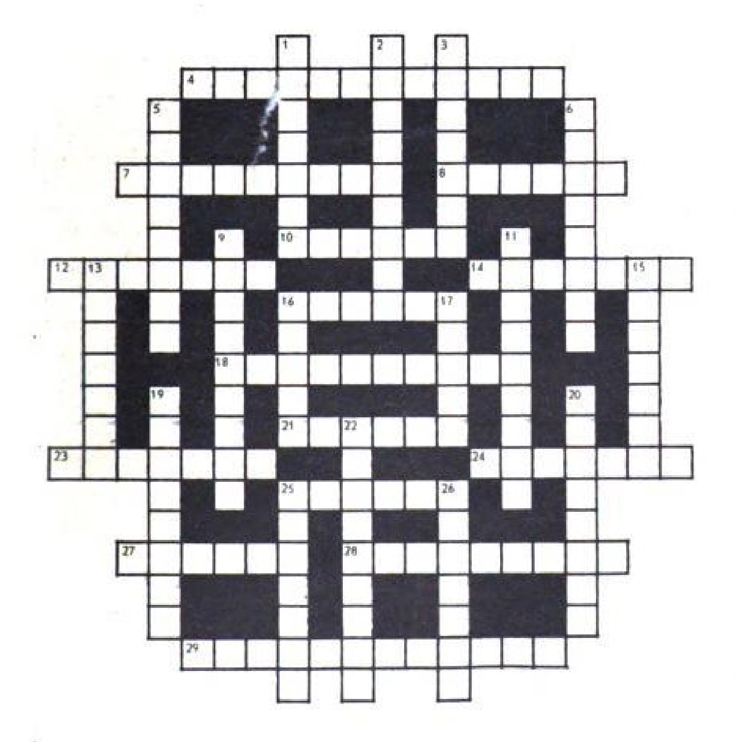
По горизонтали:

7. «Коляска». 8. Ротатор. 9. Казахстан. 11. Пемба. 12. Егерь. 13. Су"ак. 15. Моцарт. 16. Удокан. 17. Болеро. 19. Омолой. 21. Планк. 24. Гудал. 25. Литке. 26. Антресоль. 29. Ударник. 30. Пименов.

По вертикали:

1. Веста. 2. Цитра. 3. Коломбо. 4. Марабу. 5. Преспа. 6. Конфета. 9. Каравелла. 10. «Недоросль». 13. Строп. 14. Кубок. 18. Олдридж. 20. Оттенок. 22. Лирика. 23. Насыпь. 27. Нанси. 28. Лемма.

Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность за помощь всем болгарским товарищам, которые приняли участие в создании этого специального номера.

На первой странице обложки:

София. Праздник Кирилла и Мефодия — день болгарского просвещения и культуры и славянской письменности.

Фото Г. Копосова.

●

На последней странице обложки:

Болгария. Пловдив. Панагюриштское сокровище — античный сервиз для вина, более шести килограммов светлого, яркого золота.

Несебр. «Старая митрополия» — VI век.

Знаменитая Боянская церковь.

Бургас — новый город у моря.

Дети Софии.

Гость из далекого прошлого.

Фото Т. Хорисяна и Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 53-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 53-37-61; Международный — 53-38-63; Искусств — 50-46-98; Литературы — 53-31-10; Очерка — 50-15-33; Библиографии — 53-38-26; Науки и техники — 50-14-70; Юмора — 53-32-13; Спорта — 53-32-67; Фото — 53-39-04; Оформления — 53-38-36; Писем — 53-36-28; Литературных приложений — 53-30-39.

А 00449. Сдано в набор 9/VII-68 г. Подписано к печ. 23/VII-68 г. Формат бумаги 70×108$^1/_8$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 053 600 экз. Изд. № 1415. Заказ № 1965.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.